

Виктория Шваб

ТЕМНЫЙ
ОТТЕНОК
МАГИИ

Оттенки магии

Виктория Шваб

Темный оттенок магии

«Росмэн»

2015

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Сое)

Шваб В.

Темный оттенок магии / В. Шваб — «Росмэн»,
2015 — (Оттенки магии)

Ты бывал в Лондоне? А в каком: Сером, Белом, Красном или даже таинственном Черном? Молодая и очень популярная американская писательница Виктория Шваб приглашает тебя в путешествие по всем четырем столицам, существующим в четырех мирах, не похожих один на другой. Уже триста лет двери между мирами закрыты, и только антари – маги крови – могут путешествовать из одного мира в другой. Юный антари Келл из Красного Лондона не только оказывается втянут в игры королей, но и вынужден противостоять самой магии – черной, опасной и готовой разрушить все миры. Сможет ли он предотвратить катастрофу, победить тьму и найти себя в своих странствиях по Лондонам: жестокому и истощенному Белому, забывшему о магии Серому и цветущему, по-настоящему волшебному Красному?

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Сое)

© Шваб В., 2015
© Росмэн, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Виктория Шваб

Темный оттенок магии

Victoria Schwab
A Darker Shade of Magic

© 2015 by Victoria Schwab

© Перевод на русский язык, макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2017

* * *

С магией сложность в том, что главное не сила, а гармония. Если в тебе слишком мало магии, ты слаб. Слишком много – ты уже не человек.

***Тирен Серенс,
верховный жрец Лондонского святилища***

Глава 1 Странник

I

Келл носил очень необычный плащ.

У него была не одна лицевая сторона, как это принято, и даже не две, что сочли бы оригинальным, а *множество* сторон, хотя такого, разумеется, не бывает.

Когда Келл переходил из одного Лондона в другой, первым делом он снимал плащ и выворачивал его наизнанку пару раз (а то и трижды), пока не находил нужную сторону. Одежды, в которые превращался плащ, не все отличались изысканностью, но каждое отвечало своим задачам. Некоторые нужны были, чтобы слиться с толпой, другие, наоборот, привлекали внимание, а одно было просто так, и оно-то нравилось Келлу больше всех.

Шагнув из дворцовой стены в приемную, Келл некоторое время постоял, отдыхая, – странствия между мирами не даются легко. Затем сбросил с плеч красный плащ с воротником-стойкой и вывернул наизнанку справа налево, превратив его в простой черный камзол. Простой, но тем не менее изящно расшитый серебром и с двумя рядами серебряных пуговиц. Отправляясь в «другой» Лондон, Келл всегда выбирал более скромные наряды, чтобы не задевать гордость местных королевских особ и не привлекать к себе внимание, однако это вовсе не означало, что он должен жертвовать и чувством стиля.

«Ох уж эти короли», – подумал Келл, застегивая пуговицы. Он начинал думать, как принц Ри.

Символ, еще заметный на стене, в том месте, где Келл сквозь нее прошел, медленно таял, исчезая, как след на песке.

Келл никогда не стал бы помечать проход с *этой* стороны – по той простой причине, что никогда не уходил отсюда тем же путем. Дело в том, что он мог перемещаться из одного места одного мира только в то же место другого. Виндзор и Лондон были расположены страшно неудобно, на расстоянии одного дня пути, причем в мире *Красного* Лондона, откуда Келл пришел сейчас, никакого Виндзорского замка не существовало вовсе. Так что Келл шагнул в Виндзор из городка под названием Дайсен сквозь каменную стену, окружавшую дом одного богатого джентльмена. В целом Дайсен был весьма приятным городишкой.

В отличие от Виндзора – роскошного, но неприятного.

Как всегда, на мраморной стойке ждал тазик с водой. Келл сполоснул окровавленную ладонь и серебряную монету на шнурке, с помощью которой он проходил сквозь стены, а затем надел шнурок на шею и спрятал монету за пазуху. Из дальнего зала доносились шарканье и приглушенные голоса слуг и стражей. Келл выбрал эту приемную специально, чтобы ни с кем не столкнуться. Он прекрасно знал, что принц-регент не выносит его, и меньше всего нуждался в публике, которая наострит уши, вытаращит глаза, а затем доложит о его визите во всех подробностях.

Над стойкой с тазиком висело зеркало в позолоченной раме. Келл мельком взглянул на свое отражение – рыжевато-каштановые волосы прикрывали один глаз, но он не стал их поправлять, а вот плечи камзола тщательно разгладил, после чего пошел через анфиладу на встречу с королем.

В комнате было жарко и душно. В камине яростно бушевал огонь и окна были закрыты, хотя этот октябрьский день выдался теплым и солнечным.

Георг III сидел у камина, и высохшее тело короля казалось еще меньше из-за тяжелой мантии. Перед ним стоял поднос с нетронутым чаем. Когда вошел Келл, Георг вцепился в стул.

– Кто там? – окликнул он, не оборачиваясь. – Грабители? Призраки?

– Не думаю, что призраки ответили бы, ваше величество, – сказал Келл.

Больной король ослабил беззубым ртом:

– Мастер Келл, ты заставил меня ждать.

– Прошел всего месяц, – ответил тот, становясь перед королем.

Король Георг подслеповато прищурился:

– Наверняка больше.

– Клянусь, что нет.

– Для тебя-то, может, и нет, – пробурчал король, – но для безумцев и слепцов время течет иначе.

Келл улыбнулся. Сегодня король в хорошей форме. Так бывает не всегда. Келл никогда не знал, в каком настроении застанет его величество. Возможно, королю показалось, будто прошло больше месяца, поскольку в последний раз он был не в духе, и Келлу насилу удалось успокоить издерганного монарха, чтобы передать сообщение.

– Быть может, минул не месяц, а год, – продолжал король.

– Нет, год все тот же.

– И какой же?

Келл нахмурился:

– Тысяча восемьсот девятнадцатый.

По лицу короля Георга пробежала тень. Затем он покачал головой и произнес: «Время...» – таким тоном, будто это оно во всем виновато.

– Присаживайся, – сказал монарх, махнув рукой. – Здесь где-то должен быть еще стул.

Но стула не оказалось. Комната была пугающе пустой, и Келл не сомневался, что двери в ней запираются не изнутри, а снаружи.

Король протянул костлявую руку. У него забрали все кольца, чтобы он не поранился, а ногти обрезали под корень.

– Мое письмо, – потребовал он, и Келл на миг увидел того самого царственного правителя, каким Георг был прежде.

Похлопав себя по карманам, Келл понял, что забыл достать конверт, перед тем как переодеться. Он снял камзол, превратив его в красный плащ, отыскал письмо и вложил в руку короля. Тот погладил конверт, нежно провел пальцами по сургучной печати с эмблемой красного монарха – кубком с восходящим солнцем, – а затем поднес письмо к носу и глубоко вдохнул.

– Розы, – с тоской проговорил король.

Он почуял запах магии. Келл никогда не обращал внимания на легкий аромат Красного Лондона, въевшийся в его одежду, но жители других миров неизменно отмечали, что от него пахнет цветами. Одним казалось, что тюльпанами, другим – лилиями, хризантемами или пионами. А для короля Англии это были розы. Келлу нравилось, что аромат приятный, хотя сам он его и не чувствовал. Для него Серый Лондон пах дымом, Белый – кровью, но запах Красного Лондона был просто запахом дома.

– Вскрой его, – повелел король. – Только не повреди печать.

Келл достал из конверта письмо и порадовался, что король почти слеп и не увидит, какое оно короткое. Всего три строчки. Дань вежливости занемогшему номинальному соседу-государю, и не более того.

– Это от королевы, – пояснил Келл.

Георг кивнул.

– Читай, – приказал он, приняв величественный вид, не слишком подходивший старому, больному монарху с дрожащим голосом. – Читай.

Келл сглотнул.

– «Приветствия его величеству королю Георгу Третьему от соседнего королевства», – начал он.

Она не назвала свое королевство *красным*, не передала привет из *Красного* Лондона (хотя все в городе и впрямь казалось красноватым – из-за яркого всепроникающего свечения реки) – для нее он был просто Лондон. У королевы, как и у всех, кто не путешествовал между мирами, не было необходимости различать столицы. Правители одного Лондона называли правителей другого просто «соседями», а иногда использовали и более грубые слова, если речь заходила о Белом Лондоне.

Но тем немногим, кто мог перемещаться из одного Лондона в другой, нужно было как-то их различать. Поэтому Келл присвоил каждой из столиц свой цвет – по аналогии с исчезнувшим городом, который все называли Черным Лондоном.

Серый Лондон – город в мире без магии.

Красный Лондон – столица процветающей империи.

Белый Лондон – центр голодающей страны.

По правде говоря, эти города мало походили один на другой, а уж земли вокруг них – и того меньше. Загадкой было даже то, что все они называются «Лондон», хотя, согласно общепринятой теории, одна из столиц получила это название давным-давно – еще до того, как все двери между мирами были запечатаны, и монархи смогли обмениваться лишь письмами. А вот какой из городов получил это название первым, единого мнения не было.

– «Надеемся, что вы в добром здравии, – говорилось далее в письме королевы, – и что погоды в вашем городе такие же ясные, как и в нашем».

Келл замолчал. Больше ничего не было – только подпись. Король Георг напрягся.

– И это все? – спросил он.

Келл помялся.

– Нет, – сказал он, сложив письмо. – Это только начало.

Он кашлянул и зашагал по комнате, собираясь с мыслями и подлаживаясь под стиль королевы.

– «Благодарю вас за то, что справляетесь о здоровье нашей семьи, – пишет она. – Мы с королем в добром здравии, однако принц Ри по-прежнему поражает и возмущает в равной степени. Впрочем, за прошедший месяц он хотя бы не свернул себе шею и не нашел неподходящей пары. Благодарение одному лишь Келлу за то, что удерживает его и от того, и от другого».

Келлу хотелось, чтобы королева остановилась на его заслугах подробнее, но как раз в эту минуту часы на стене пробили пять, и он еле слышно выругался. Келл опаздывал.

– «Прощаюсь до следующего письма, – поспешно закончил он. – Будьте здоровы и счастливы. С любовью, ее величество Эмира, королева Арнеса».

Келл подождал, пока король что-нибудь скажет, но тот уставился невидящими глазами в пространство, и у Келла мелькнула мысль, что он умер. Он аккуратно положил письмо на чайный поднос и был уже на полпути к двери, как вдруг монарх заговорил.

– У меня нет письма для нее, – растерянно пробормотал он.

– Ничего страшного, – тихо отозвался Келл.

Король уже много лет не мог писать. Иногда он пытался, неловко царапал пером по пергаменту, иногда просил Келла писать под диктовку, но чаще всего передавал сообщение на словах.

– Видишь ли, у меня совсем не было времени, – пояснил король, пытаясь сохранить остатки достоинства. Келл не стал с ним спорить.

– Понимаю, – мягко сказал он. – Я передам королевской семье привет от вас.

Келл опять шагнул было к двери, но старый король вновь его окликнул:

– погоди, погоди! Вернись.

Келл метнул взгляд на часы. Уже поздно, и он все сильнее опаздывает. Он представил, как принц-регент сидит за своим столом в Сент-Джеймском дворце, нервно сжимая ручки кресла, медленно закипая. Эта картинка заставила Келла улыбнуться, и он вернулся к Георгу. Тот неловко вытащил что-то из складок мантии.

Монета.

– Почти выветрилась, – проговорил король, глядя на нее как на нечто хрупкое и драгоценное. – Я больше не чувствую магии, не слышу ее запаха.

– Это всего лишь монета, ваше величество.

– Вовсе нет, и ты это знаешь, – буркнул Георг. – Выворачивай карманы.

Келл вздохнул:

– У меня будут неприятности.

Старый король усмехнулся:

– Ну же! Пусть это будет наш маленький секрет.

Келл засунул руку в карман. Когда он впервые посетил короля Англии, будучи совсем еще мальчишкой, он дал ему монету как доказательство того, что пришел из другого мира. Георг знал о существовании иных Лондонов – это знание передавалось по наследству от одного монарха другому, – но гонец не приходил уже много лет. Король глянул на щуплого паренька, прищурился, протянул руку ладонью вверх, и Келл положил в нее монету. Это был простой лин, очень похожий на местный шиллинг, только с красной звездой, а не с портретом монарха. Король зажал монету в кулаке, поднес к носу и вдохнул ее аромат. Потом улыбнулся, спрятал монету в карман и пригласил Келла войти.

С тех пор король всякий раз жаловался Келлу, что магия из монеты выветрилась, и просил дать ему новую. Келл всегда предупреждал, что проносить предметы из другого мира запрещено (так оно и было), и всякий раз король настаивал, говорил, что это будет их маленьким секретом, после чего Келл со вздохом отдавал ему лин с красной звездой.

И на сей раз он взял старую монету с ладони короля, положил в нее новую и бережно согнул узловатые пальцы Георга, помогая ему зажать лин в кулаке.

– Да-да-да, – проворковал старый король.

– Счастливо, – сказал Келл на прощание.

– Да-да-да, – повторял король. Его внимание рассеялось, он забыл о госте и обо всем на свете.

Угол комнаты был занавешен тяжелыми портьерами, раздвинув которые, Келл обнаружил на узорчатых обоях знак. Этот простой круг, разделенный прямой линией, он нарисовал кровью месяц назад. На другой стене, в другой комнате другого дворца был точно такой же знак. И эти два знака были как ручки с двух сторон одной двери.

Для перехода *между* мирами достаточно только одного знака, нарисованного его кровью. Ведь все равно оказываешься ровно в том же самом месте, только в другом мире. А вот чтобы перемещаться *внутри* мира, необходимо пометить полностью совпадающими символами обе стороны «двери», и тут небрежность может дорого обойтись. Келл убедился в этом на собственном опыте.

Символ, оставшийся на стене с последнего визита, виднелся четко, только края чуть-чуть смазались. Но это не имело значения, его все равно придется переписывать.

Келл закатал рукав и высвободил нож, пристегнутый к внутренней стороне предплечья. Это была славная вещица – настоящее произведение искусства, полностью выкованное из серебра: и лезвие, и рукоятка с вырезанными буквами «К» и «L».

Единственное напоминание о его жизни до дворца – жизни, которой Келл не помнил.

Он поднес лезвие к тыльной стороне предплечья. Сегодня он уже сделал один надрез – для перехода сюда, а теперь нужен второй. Когда по коже потекла ярко-рубиновая кровь, Келл засунул нож обратно в ножны и, касаясь пальцами то пореза, то стены, обновил круг, разделенный прямой линией. Затем опустил рукав – обработает порезы, когда вернется домой, – и, взглянув напоследок на бормочущего короля, плотно прижал ладонь к знаку на стене.

Тот загудел магией.

– *Ас Тасцен*, – сказал Келл. «Перенеси!»

Узорчатые обои покрылись рябью, размякли и прогнулись под его нажимом. И Келл шагнул в Сент-Джеймс.

II

Всего один широкий шаг – и мрачный Виндзор превратился в изящный Сент-Джеймс. Душный темный зал сменился яркими гобеленами и блеском начищенного серебра, а бормотание безумного короля – гнетущей тишиной. За столом сидел человек с бокалом вина в руке, и он был в крайнем раздражении.

– Вы опоздали, – отметил принц-регент.

– Извините, – сказал Келл, еле заметно поклонившись. – У меня были дела.

Принц-регент поставил бокал.

– Я думал, вы ведете дела со мной, мастер Келл.

Келл выпрямился.

– Согласно предписаниям, ваша светлость, я должен сначала увидаться с королем.

– Лучше ему не потакать, – отмахнувшись, возразил принц-регент, которого тоже звали Георгом (Келл считал, что местная традиция называть сыновей именами отцов приводит только к ненужной путанице). – Это его бодрит.

– А это плохо? – спросил Келл.

– Для него – да. Потом он впадает в безумие – пляшет на столах, толкует о магии и прочих Лондонах. Какую шутку вы сыграли над ним в этот раз? Убедили, что человек может летать?

Келл допустил эту ошибку лишь однажды. В следующий свой визит он узнал, что король Англии чуть не вышел в окно третьего этажа.

– Уверяю вас, я не показывал ему никаких чудес.

Принц Георг потер переносицу.

– Он уже не может, как раньше, держать язык за зубами, поэтому и сидит в четырех стенах.

– В заточении?

Принц провел рукой по краю позолоченного стола.

– Виндзор – весьма respectable место.

«Respectable тюрьма – все равно тюрьма», – подумал Келл, вручая молодому Георгу второе письмо.

Принц не пригласил его сесть, сам прочитал записку (он ни разу не упомянул, что письма пахнут как-то необычно), а затем вытащил из внутреннего кармана начатый ответ и стал его дописывать. Георг явно тянул время, пытаясь досадить Келлу, но тому было все равно. Он лишь неспешно постукивал пальцами по позолоченному столу. Всякий раз, когда Келл перебирал пальцами от мизинца до указательного, одна из множества свечей в комнате гасла.

– Должно быть, сквозняк, – небрежно бросил он, и принц-регент нервно сжал перо. К тому моменту, как письмо было закончено, он сломал два пера. Настроение принца окончательно испортилось, зато у Келла заметно улучшилось.

Он протянул руку за письмом, но Георг не отдал его и встал из-за стола.

– Что-то я засиделся. Прогуляйтесь со мной.

Келлу не терпелось покинуть дворец, но, поскольку он не мог уйти с пустыми руками, пришлось подчиниться. Но прежде чем выйти из комнаты, он стянул со стола последнее, еще не сломанное перо.

– Вы сразу обратно? – спросил принц-регент, ведя Келла по коридору к потайной двери, наполовину закрытой шторой.

– Почти, – ответил Келл, шедший на полшага позади.

В коридоре к ним примкнули два королевских стражника, которые теперь маячили за спиной. Чувствуя на себе их взгляды, Келл задавался вопросом, что им о нем известно. По традиции королевские особы знали о существовании разных миров, а вот осведомленность слуг оставалась на их совести.

– Я думал, у вас дела только со мной, – сказал принц.

– Мне нравится ваш город, – небрежно возразил Келл. – К тому же переход между мирами отнимает силы. Схожу прогуляюсь и подышу свежим воздухом, а затем вернусь обратно.

Принц поджал губы:

– Боюсь, воздух здесь не такой свежий, как в деревне. Как вы там нас называете... Серый Лондон? В последнее время это название уместно как никогда. Оставайтесь на ужин.

Каждое предложение, даже вопросительное, принц-регент произносил с утвердительной интонацией. Ри говорил точно так же, и Келл подумал, что такая манера неизбежно появляется у тех, кому никогда не отвечали отказом.

– Вам здесь будет лучше, – не отставал принц. – Я предлагаю вам отличное вино и хорошую компанию. Вы прекрасно отдохнете.

Приглашение казалось великодушным, но принц-регент не отличался великодушием.

– Я не могу остаться, – сказал Келл.

– Я настаиваю. Стол уже накрыт.

«Интересно, кто придет?» – подумал Келл. Чего добивается принц? Чтобы Келл продемонстрировал свои способности неизвестному гостю? Скорее всего, так и есть. А вот почему ему этого хочется, можно только гадать. Ну хотя бы потому, что молодой Георг терпеть не может тайны. Однако несмотря на все свои недостатки, принц-регент был не дурак, а только глупец предоставил бы Келлу возможность показать свои силы. В Сером Лондоне давным-давно забыли о магии, и, если кто и напомнит жителям, что магия существует, то это точно будет не Келл.

– Вы необычайно щедры, ваше высочество, но уж лучше я буду призраком, чем шутком.

Келл тряхнул головой, отбрасывая волосы с лица, так что виден стал не только ярко-голубой левый глаз, но и полностью черный правый. Чернота заполняла его целиком, не было ни белка, ни зрачка. В этом глазе не было ничего человеческого – чистая магия. Метка мага крови – антари.

Принц-регент смотрел ему в глаза, и Келл с удовольствием прочитал в его взгляде настороженность, беспокойство и страх.

– Знаете, почему наши миры разделены, ваше высочество? – начал Келл и тут же продолжил, не дожидаясь ответа: – Для вашей же безопасности. Когда-то давным-давно границы были открыты, и через двери между мирами мог пройти любой, кто обладал хоть какой-то силой. И магия перетекала свободно. Но беда в том, что магия пожирает людей, наделенных силой, но слабых. В одном из миров таких было много, и они не смогли

остановиться. Люди насыщались магией, а магия поглощала людей, пока наконец не уничтожила их полностью: забрала у каждого и тело, и разум, и душу.

– Черный Лондон, – прошептал принц-регент.

Келл кивнул. Это не он дал ему такое название. Легенда о Черном Лондоне была хорошо известна в Красном и Белом всем без исключения, а в Сером – тем немногим, кто вообще знал о существовании других миров. Это была жутковатая волшебная сказка. Предостережение. Легенда о городе, целом мире, которого больше нет.

– Знаете, что общего между Черным Лондоном и Серым, ваше высочество? – Принц-регент сощурился, но не стал перебивать. – Отсутствие сдержанности, – проговорил Келл. – Жажда власти. Ваш Лондон существует лишь потому, что границы закрыли. И вы забыли о магии. Представьте, что будет, если о ней вспомнят.

Келл умолчал о том, что Черный Лондон был пропитан мощной магией, а в Сером ее почти нет: он просто хотел донести свою мысль и, судя по всему, донес. Когда он протянул руку, принц-регент, не говоря ни слова, вручил ему письмо. Келл засунул его в карман, где лежало украденное перо.

– Благодарю вас за ваше неизменное гостеприимство, – сказал он и отвесил театральный поклон.

Молодой Георг щелкнул пальцами, подзывая стражника.

– Позаботьтесь о том, чтобы мастер Келл благополучно попал туда, куда ему нужно.

Затем, не проронив больше ни слова, он развернулся и зашагал прочь.

Королевские стражники оставили Келла на краю парка. За спиной темнел Сент-Джеймский дворец, а впереди простирался Серый Лондон. Келл глубоко вздохнул и почувствовал в воздухе привкус дыма. Хотя ему не терпелось вернуться домой, нужно было уладить кое-какие дела, вдобавок после встречи с принцем-регентом Келлу захотелось чего-нибудь выпить. Поэтому он отряхнул рукава, разгладил ворот и направился в центр города.

Ноги сами понесли его через Сент-Джеймский парк – по тропинке, петлявшей вдоль реки. Солнце садилось, воздух был свеж, осенний ветерок забирался под полы черного камзола. Келл подошел к пешеходному мостику через ручей, и сапоги негромко застучали по доскам. На мосту он остановился: за спиной – Букингемский дворец, освещенный огнями, впереди – Темза. Вода тихо плескалась под досками, Келл облокотился о перила и посмотрел вниз. Он медленно повел ладонью, и течение остановилось: вода застыла – гладкая как стекло.

Келл уставился на свое отражение.

– Не такой уж ты и красавчик, – говорил принц Ри каждый раз, когда заставал Келла перед зеркалом.

– Никак не могу наглядеться, – усмехался Келл, хотя вовсе не любовался собой. Он смотрел только на свой правый глаз. Даже в Красном Лондоне, наполненном магией, Келл был не таким, как все. Иным.

Где-то справа раздался звонкий смех, затем послышалось ворчание и еще какие-то приглушенные звуки. Келл расслабил руку – ручей внизу снова пришел в движение – и продолжил путь. Вскоре парк сменился лондонскими улицами, а вдаль показалась громада Вестминстерского аббатства. Келл любил его и кивнул, как старому другу. Несмотря на копоть и грязь, хаос и нищету, этот город обладал качеством, которого не хватало Красному Лондону: стойкостью к переменам. Здесь ценили постоянство и усилия, которые приходится прикладывать, чтобы создать что-то прочное.

Сколько лет ушло на строительство аббатства? Сколько оно еще простоит? В Красном Лондоне вкусы менялись так же быстро, как времена года, и здания постоянно возводились и рушились, и снова возводились уже в новом облике. Магия все упрощает. «Порой даже слишком», – подумал Келл.

До́ма порой казалось, что лег спать в одном месте, а проснулся в совершенно другом. А здесь – вот оно, Вестминстерское аббатство, такое же, как всегда: огромное и величественное.

Келл прошел мимо него по улицам, запруженным экипажами, и выбрался на узкую дорожку, которая огибала двор настоятеля, окруженный замшелой каменной стеной, и бежала вперед, постепенно сужаясь. Она вела к таверне под названием «В двух шагах».

Дойдя до нее, Келл остановился, снял черный камзол с серебряными пуговицами и вывернул его слева направо, превратив в более подходящую обтрепанную коричневую куртку с высоким воротником и протертыми локтями. Келл надел ее, похлопал себя по карманам и, довольный своим внешним видом, вошел внутрь.

III

В небольшой таверне «В двух шагах» на первый взгляд не было ничего необычного: стены грязные, пол в пятнах, а ее хозяин, Бэррон, нещадно разбавляет спиртные напитки. Келлу это было хорошо известно, и тем не менее ему здесь нравилось.

Хотя у таверны, да и у ее посетителей, вид был самый затрапезный, она очаровывала тем, что по счастливой случайности или по какому-то умыслу всегда была на этом месте. Название, конечно, менялось, так же, как и напитки, но в этом самом месте и в Сером Лондоне, и в Красном, и в Белом всегда стояла таверна. Это не был источник силы в прямом смысле слова, как, например, Темза, Стоунхендж и десятки других менее известных магических маяков по всему миру, но все же нечто особенное – феномен, постоянная точка.

И когда Келл вел свои дела в этой таверне (как бы она ни называлась: «В двух шагах», «Заходящее солнце» или «Горелая кость»), он и сам чувствовал себя к ней привязанным.

Мало кто оценил бы этот феномен, разве что Холланд, если он вообще хоть что-то ценит.

Впрочем, даже если отбросить тайну постоянной точки, таверна ему нравилась как идеальное место для встреч. Сюда стекались те немногочисленные жители Серого Лондона, которые верили в магию, – чудаки, цепляющиеся за любые слухи и намеки. Их притягивало ощущение чего-то иного, чего-то большего. Келл тоже чувствовал этот зов, но, в отличие от простаков, знал, что именно его сюда тянет.

Разумеется, завсегдатаев таверны, искателей магии привлекало не только это непонятное чувство, но и сам Келл. По меньшей мере, слухи о нем. Молва – разновидность магии, и здесь, в таверне «В двух шагах», имя Келла появлялось на устах так же часто, как разбавленный эль.

Келл уставился в янтарную жидкость у себя в кружке.

– Здравствуй, Келл, – сказал Бэррон, доливая пива по самый край.

– Здравствуй, Бэррон, – отозвался Келл.

Больше они никогда друг другу ничего не говорили.

Хозяин таверны, высокий, широкий и крепкий, напоминал кирпичную стену, решившую вдруг отрастить бороду. Конечно, Бэррон повидал немало странностей на своем веку, но, видимо, они ничуть его не тревожили.

А если и тревожили, он этого не показывал.

Часы на стене за стойкой пробили семь, и Келл достал из поношенной коричневой куртки деревянную шкатулку размером с ладонь с простым металлическим замочком. Когда он открыл замочек и откинул крышку большим пальцем, шкатулка превратилась в доску для настольной игры с пятью желобками, в каждом из которых помещался символ стихии.

В первом желобке – комочек земли.

Во втором – немножко воды.

В третьем – песок, символ воздуха.

В четвертом – капелька масла, готового вспыхнуть.

А в пятом, последнем, – кусочек кости.

В мире Келла такие шкатулки служили не только игрушками. С их помощью проверяли, к какой стихии тянется ребенок и какая стихия подходит ему. Большинство детей быстро перерастали эту игру и переходили либо к заклинаниям, либо, как только оттачивали навыки, к более сложной работе со своей стихией. Такая шкатулка, «набор стихий», простая, популярная игра была практически в каждом доме в Красном Лондоне и, наверное, даже в деревнях за его пределами (хотя про них Келл не мог сказать наверняка). Однако в этом городе без магии игра была подлинной диковинкой, и Келл не сомневался, что его клиент будет доволен. Ведь этот человек был как-никак коллекционером.

В Сером Лондоне к Келлу обращались только два типа людей: коллекционеры и энтузиасты.

Коллекционеры – пресыщенные богачи. Их абсолютно не интересует магия – они не отличат целебной руны от знака приворота. Келлу нравилось иметь с ними дело.

А вот энтузиасты его раздражали. Они воображали себя настоящими магами и покупали магические безделушки вовсе не для коллекции, не для того, чтобы ими хвастаться, а чтобы их использовать. Энтузиастов Келл недолюбливал. Отчасти потому, что считал их попытки овладеть магией бесполезными, но самое главное – незаконная продажа магических предметов *этим* типам действительно ощущалась как преступление. Поэтому, когда к нему кто-то подошел и Келл, ожидавший увидеть своего коллекционера, заметил перед собой незнакомого энтузиаста, настроение у него резко испортилось.

– Занято? – осведомился энтузиаст, уже усевшись на соседний стул.

– Уходи, – спокойно сказал Келл.

Но тот не ушел.

У Келла не было ни малейшего сомнения, что перед ним именно энтузиаст – долговязый и нескладный, в коротковатой куртке. Когда он положил свои длинные руки на стойку, ткань слегка задралась, и Келл различил краешек татуировки: плохо нарисованная руна силы, призванная притягивать к человеку магию.

– Значит, правду говорят? – спросил энтузиаст.

– Смотря кто и о чем, – ответил Келл, захлопнул крышку шкатулки и запер замочек.

Он исполнял этот балет сотни раз. Краем глаза, не прикрытого челкой, Келл следил за тем, как губы молодого человека складываются, чтобы произнести следующую фразу – очередное танцевальное па. Будь этот тип коллекционером, Келл бы, возможно, был с ним поласковее, но тому, кто, не умея плавать, сам упорно лезет в воду, незачем бросать спасательный круг.

– О том, что вы приносите разные штуки, – проговорил энтузиаст и нервно оглянулся, – из других мест.

Келл хлебнул пива, и энтузиаст принял его молчание за согласие.

– Полагаю, я должен представиться, – продолжал молодой человек. – Эдвард Арчибальд Таттл Третий. Но все зовут меня просто Нед.

Энтузиаст, видимо, ждал, что его собеседник тоже представится, но, поскольку человек уже явно знал, кто он такой, Келл пренебрег условностями и спросил напрямик:

– Что тебе нужно?

Эдвард Арчибальд – Нед – заерзал на стуле и заговорщицки подался вперед:

– Горсточка земли.

Келл указал кружкой на дверь:

– В парке не пробовал набрать?

Молодой человек выдавил из себя нервную ухмылку. Келл допил пиво. «Горсточка земли». Вроде бы пустяк, но на самом деле вовсе нет. Большинство энтузиастов знали, что их собственный мир не обладает силой, но верили, что, получив кусочек иного мира, смогут черпать магию оттуда.

В прежние времена это работало. Тогда двери у источников магии стояли распахнутыми настежь, сила перетекала между мирами, и всякий, у кого в венах струилась хоть капля магии и кто обладал предметом из другого мира, мог не только черпать эту силу, но и перемещаться вместе с нею из одного Лондона в другой.

Однако эти времена прошли.

Двери захлопнулись много столетий назад, когда Черный Лондон пал, похоронив весь свой мир и оставив после себя лишь легенды. Ныне только антари обладали достаточной силой, чтобы проделывать новые двери, да и проходить через них могли только они сами. Антари всегда встречались нечасто, но только когда двери закрылись, стало ясно, до чего же их мало. И с тех пор становится все меньше. Из какого источника они черпают силу, всегда было загадкой (сила не передавалась по наследству), но одно было несомненно: чем дольше миры остаются разделены, тем меньше появляется антари.

Похоже, Келл и Холланд были последними представителями этой быстро вымирающей породы.

– Так вы принесете мне земли? – не унимался энтузиаст.

Келл перевел взгляд на татуировку на запястье Неда. Жители Серого мира не могли взять в толк, что сила заклинания напрямую зависит от силы заклинателя. Насколько силен этот человек?

Криво усмехнувшись, Келл подтолкнул к нему шкатулку с игрой:

– Знаешь, что это такое?

Нед опасливо приподнял детскую игрушку, словно она в любую минуту могла загореться (Келл едва поборол желание в самом деле ее поджечь). Энтузиаст повертел в руках шкатулку, нащупал замочек, и игральная доска развернулась. Символы стихий заблестели в мерцающем свете.

– Давай так, – произнес Келл. – Выбираешь одну из стихий, достаешь из желобка ее символ, разумеется, не трогая руками, и я принесу тебе земли.

Нед нахмурил лоб. Он взвесил все варианты, после чего ткнул пальцем в символ воды.

– Эта.

«Хоть хватило ума не выбрать кость», – подумал Келл. Повелевать воздухом, землей и водой легче всего – с ними более-менее справлялся даже Ри, у которого вообще с магией было не очень. Огнем управлять посложнее, но, конечно, труднее всего приказывать костям. И неудивительно: ведь тот, кто умеет двигать кости, может двигать тела. Даже по меркам Красного Лондона для этого требовалась большая сила.

Рука Неда зависла над игровой доской. Он шепотом обратился к воде на непонятном языке – возможно, на латыни или тарабарском, но уж точно не на литературном английском. Келл насмешливо скривился. У стихий нет своего языка, точнее, к ним можно обращаться на любом. Слова сами по себе не важны. Они помогают установить связь со стихией, сосредоточиться, настроиться на источник силы внутри самого себя. Коротко говоря, главное – не язык, а концентрация. С тем же успехом Нед мог обратиться к воде по-английски, но он упорно бормотал какую-то чушь и при этом водил рукой по часовой стрелке над игровой доской.

Келл вздохнул, подпер щеку кулаком и, скучая, глядел, как Нед краснеет и тужится.

Прошло несколько долгих минут, по воде пробежала легкая рябь (возможно, оттого, что Келл зевнул, а может, вцепившийся в стойку энтузиаст слегка ее качнул), и поверхность тут же успокоилась.

Нед сердито уставился на доску, вены у него вздулись. Он сжал кулак, и Келл испугался, что энтузиаст сейчас разобьет игрушку, но тот просто тяжело опустил руку на стойку.

– Все ясно, – вздохнул Келл.

– Она сломана, – сердито буркнул Нед.

– Что, правда? – спросил Келл, слегка согнул пальцы, и комочек земли легко поднялся из желобка и лег ему в руку. – Уверен? – добавил он, и легкий ветерок подхватил песчинки, закружил, и они тонким кольцом обвилились вокруг его запястья. – Может быть, да. – Вода собралась в каплю и льдинкой упала в ладонь. – А может, и нет, – проговорил Келл, когда вспыхнуло масло в желобке. – Или, возможно, – продолжил он, поднимая в воздух кость, – в тебе просто нет ни капли силы.

Нед, выпучив глаза, смотрел, как символы пяти стихий танцуют вокруг пальцев Келла. А тот слышал у себя в голове голос Ри. «Хвастун!» – сказал принц. И тогда Келл вернул элементы в желобки так же легко, как их оттуда достал. Земля упала с глухим стуком, лед – со звоном, песок бесшумно пересыпался в свою чашечку, а пламя, плясавшее на масле, угасло. Лишь кость еще висела в воздухе между ними. И энтузиаст с восторгом смотрел на нее.

– Сколько стоит? – спросил он.

– Не продается, – ответил Келл, и тут же уточнил: – *Тебе* не продам.

Нед слез с табурета и собирался было уйти, но Келл с ним еще не закончил.

– Что бы ты дал за горсть земли? – поинтересовался он.

Энтузиаст замер.

– Назовите свою цену.

– *Мою* цену?

Келл занимался контрабандой вовсе не ради денег. Деньги – вещь ненадежная. Какой прок от местных монет в Красном Лондоне? И уж точно лучше сразу выбросить шиллинги и фунты, чем пытаться расплатиться ими в «белых» переулках. Предположим, деньги можно потратить прямо здесь, но на что? Нет, Келл вел игру другого толка.

– Мне не нужны деньги, – отмахнулся он. – Мне нужно то, что для тебя важно, то, с чем ты ни за что бы не расстался.

Нед поспешно кивнул:

– Хорошо, сидите здесь, а я...

– Не сейчас, – сказал Келл.

– А когда?

Келл пожал плечами:

– Когда-нибудь в ближайший месяц.

– Я что, должен сидеть здесь и ждать?

– Мне ты ничего не должен, – передернул плечами Келл. Он знал, что это жестоко, но хотел увидеть, как далеко готов зайти энтузиаст. Если Келл заглянет сюда почти через месяц и тот будет ждать, он отдаст ему мешочек земли. – А теперь выметайся.

Нед открыл рот, но тут же закрыл, вздохнул и молча побрел к выходу. По дороге он чуть не столкнулся с маленьким очкариком.

Келл вернул все еще парившую в воздухе косточку обратно в шкатулку. Очкарик между тем занял освободившееся место рядом с ним.

– Что произошло? – поинтересовался он.

– Ничего особенного, – ответил Келл.

– Это мне? – спросил человек, покосившись на шкатулку.

Келл кивнул и протянул ее коллекционеру. Джентльмен осторожно взял безделушку. Келл подождал, пока тот рассмотрит ее, а затем показал, как она работает. Коллекционер алчно на нее уставился.

– Прелестно, прелестно!

Очкарик порылся в кармане, достал что-то завернутое в носовой платок и с глухим стуком поставил на стойку. Келл развернул ткань и увидел блестящую серебряную шкатулку с миниатюрным рычажком сбоку.

Музыкальная шкатулка. Келл мысленно улыбнулся.

У них в Красном Лондоне тоже была музыка и музыкальные шкатулки, но они играли по волшебству, а не благодаря шестеренкам, и Келл поражался, сколько труда вложено в эти машинки. Серый мир в целом казался ему примитивным, но зато отсутствие магии подталкивало местных жителей к изобретательности. Взять хотя бы музыкальные шкатулки: какой замысловатый, но при этом изящный механизм! Сколько деталей и сколько работы ради одной короткой мелодии!

– Показать, как она работает? – предложил коллекционер.

Келл покачал головой.

– Нет, – тихо сказал он. – У меня уже есть такая, и не одна.

Человек насупился:

– Но вы ее возьмете?

Келл кивнул и бережно завернул шкатулку в платок.

– Не хотите послушать?

Послушать хотелось, но только не здесь – в этой грязной маленькой таверне, где не насладишься звуком. К тому же пора было домой.

Он оставил коллекционера за стойкой. Тот переворачивал игрушку и тряс, удивляясь, что, как ни старайся, ни вода, ни масло не выливаются – все элементы держатся на местах. Келл шагнул в темноту и направился к Темзе, прислушиваясь к городским звукам: грохоту экипажей и дальним вскрикам: иногда радостным, иногда отчаянным (впрочем, последние все равно не шли ни в какое сравнение с теми воплями боли и ужаса, которые оглашали Белый Лондон). Вскоре показалась река – черная полоска в темноте, а вдалеке зазвонили колокола восьми церквей.

Пора уходить.

Он добрался до магазина, который выходил к воде глухой кирпичной стеной, и, остановившись в тени, закатал рукав. Рука уже болела от первых двух порезов, но Келл вынул нож и сделал третий, обмакнул пальцы в кровь и приложил их к стене. Затем вытащил одну из висевших на шее монет – точно такой же лин, как тот, который он отдал старому королю, – и прижал к пятну крови на стене.

– Ну что ж, – сказал он. – Пойдем домой.

Он часто разговаривал с магией – не повелевал, а просто беседовал. Магия живая (это знает каждый), но для Келла она была как сестра, как друг. Магия – часть его самого, и временами ему казалось, что она понимает его: не только слова, но и чувства, и не только тогда, когда он к ней обращается, но всегда – в любую минуту.

Он ведь антари.

Голос антари слышит и кровь, и сама жизнь, и магия – высшая стихия, которая живет во всех и во всем, но не принадлежит никому.

Келл ощутил прикосновение магии. Кирпичная стена стала теплой и холодной одновременно. Он подождал, проверяя, не догадается ли магия сама, что ему нужно. Но нет, она ждала команды. Это к стихиям можно обращаться на любом языке, а магия антари – подлинная магия, магия крови – понимает только один язык. Келл крепче прижал ладонь.

– *Ac Orence!* – сказал он. «Откройся».

Магия услышала и повиновалась. Мир дрогнул, и Келл шагнул через дверь в темноту, отбросив Серый Лондон, как ненужный плащ.

Глава 2

Алый – королевский цвет

I

– Санкт! – объявил Мортимер, раскрыв карту. На ней фигура со склоненной головой, скрытой капюшоном, держала руны. Мортимер довольно ухмыльнулся. Перси скривился и швырнул оставшиеся на руках карты рубашкой вверх. Мортимер, конечно, жульничал. Впрочем, Перси и сам мухлевал битый час, но так ни разу и не выиграл. Он с ворчанием придвинул свою ставку через узкий стол к груде монет, лежащей перед напарником. Мортимер собрал выигрыш и принялся тасовать колоду.

– Продолжим? – спросил он.

– Я – пас, – ответил Перси и встал: лязгнули металлические пластины нагрудной брони и ножных щитков, за спиной заструился плащ с красными и золотыми клиньями, расходившимися, подобно солнечным лучам.

– *Ир час эра*, – усмехнулся Мортимер, переходя с королевского английского на просто-народный арнезийский язык.

– Я не злюсь, – буркнул Перси в ответ. – Просто на мели.

– Брось, – миролюбиво сказал Мортимер. – В третий раз точно повезет.

– Мне надо отлить. – Перси поправил короткий меч на боку.

– Ну иди.

Перси замер и огляделся: нет ли чего подозрительного. Но ничего подозрительного в зале, полном разнообразных красивых вещиц, не обнаружилось. Тут были королевские портреты, награды, несколько столов, за одним из которых они играли, а в самом конце зала – богато украшенные двустворчатые двери из вишневого дерева. На них была вырезана эмблема Арнеса – чаша и восходящее солнце. Желобки залиты расплавленным золотом, а над эмблемой светилась золотая же буква «Р».

Двери вели в покои принца Ри, а Мортимер и Перси – личная охрана наследника престола – их стерегли.

Ри нравился Перси. Конечно, он был избалован, как все принцы (по крайней мере, Перси так казалось, хотя других принцев он пока не видел), но зато добродушен и ничуть не строг к собственной охране. Да он сам подарил Перси колоду карт – красивых, с позолоченными краями! И порой после ночной попойки принц переходил со своего напыщенного английского на народный язык (его арнезийский был безупречен) и запросто с ними беседовал. Казалось даже, Ри было неловко оттого, что страже приходится нести караул у него под дверью, как будто у них не было дел поинтереснее. Впрочем, на службе у принца от охраны требовалось не столько мастерство в обращении с оружием, сколько умение держать язык за зубами.

Но больше всего Перси нравились те вечера, когда принц Ри и мастер Келл отправлялись в город, а они с Мортимером шли позади на почтительном расстоянии. Принц разрешал стражникам его сопровождать только ради компании, а не для защиты (все знали, что никто не защитит принца лучше, чем Келл). Однако Келл до сих пор не вернулся. Поэтому вечно неугомонный Ри был не в настроении и рано удалился в свои покои. Перси и Мортимер заступили на вахту, и Мортимер лишил Перси почти всех карманных денег.

Перси сгрэб шлем со стола и пошел опорочиться. Пока он шагал через зал, за спиной слышался стук монет – Мортимер подсчитывал выигрыш. Перси не спешил, рассудив,

что напарник может и сам какое-то время покараулить, раз так его обчистил. Но, вернувшись наконец в зал, Перси с тревогой обнаружил, что Мортимера и след простыл. Перси нахмурился – это уж слишком! Одно дело азартные игры, но если капитан увидит, что покои принца не охраняются, то придет в ярость.

Карты по-прежнему лежали на столе. Перси принялся их собирать, как вдруг услышал мужской голос, доносившийся из спальни принца, и замер. Само по себе это не было странным. Но стражник тотчас узнал этот голос. Человек говорил по-английски, однако с акцентом – еще резче арнезийского.

В голосе – тихом, холодном, мрачном – было что-то жуткое, как в тенях в ночном лесу. И этот голос принадлежал Холланду – антари из другого мира.

Перси слегка побледнел. Он преклонялся перед мастером Келлом (за что Мортимер частенько его дразнил), а вот Холланд его пугал. Перси и сам не знал, в чем тут дело – в ровной интонации, странно не запоминающейся внешности или тревожных глазах, один из которых был, конечно, черным, а другой – молочно-зеленым. Или, возможно, дело в том, что он казался бездушным, словно сделанным из воды и камня, а не из плоти и крови. Как бы там ни было, чужеземный антари всегда вызывал у Перси дрожь.

Другие стражники придумывали Холланду клички, вроде Холодный Холланд, но Перси никогда не отваживался их повторять.

– Чего трясешься, думаешь, он тебя через стену между мирами услышит? – со смехом спрашивал Мортимер.

– Кто знает, – шептал Перси в ответ. – А вдруг.

И вот теперь Холланд был в комнате принца. «Принц его ждал? Кто его впустил? Где Мортимер?» – ломал голову Перси, занявший свое место перед дверью. Он не собирался подслушивать, но между створками осталась узкая щель, и, когда он слегка повернул голову, до него донесся разговор.

– Простите, что без приглашения, – послышался спокойный, низкий голос Холланда.

– Пустяки, – небрежно ответил Ри. – Что привело вас ко мне? У вас же дела с моим отцом.

– У него я уже был, – проговорил Холланд. – А теперь мне нужны вы.

Перси подумалось, что подслушивать нехорошо, но он не двинулся с места. Было слышно, как Ри опустился в кресло.

– И зачем же? – с легкой улыбкой поинтересовался принц.

– Скоро ваш день рождения, не так ли?

– Да, уже не за горами. И если ваши король и королева вас отпустят, я приглашаю вас на праздник.

– Боюсь, не отпустят, – возразил Холланд. – Но я пришел по их поручению и принес подарок.

Наступило неловкое молчание. Принц поерзал в кресле.

– Холланд, – вкрадчиво заговорил наконец он. – Вы же знаете закон. Я не могу принять...

– Конечно, я знаю закон, юный принц, – успокоил его Холланд. – Но подарок выбрал здесь – в вашем городе, от лица своих повелителей.

Последовала долгая пауза, после чего Ри встал.

– Ну ладно, – решил он.

Перси услышал шорох: принц взял подарок и снял упаковку.

– Для чего это? – спросил он после долгого молчания.

Холланд не то фыркнул, не то хмыкнул. Перси не знал, что бы мог означать такой звук.

– Для силы, – пояснил антари.

Ри начал что-то говорить, но в ту же секунду часы во всем дворце принялись отбивать час и заглушили окончание беседы. Не успело стихнуть эхо часового боя, как двери распахнулись и в зал вышел Холланд. Он вперил свои разноцветные глаза в королевского стража, захлопнул дверь и недовольно вздохнул. Затем пригладил черные как смоль волосы и посетовал вполголоса:

– Спроведишь одного охранника, а другой тут как тут.

Не успел Перси придумать, что ответить, как антари достал из кармана монету и швырнул ему.

– Меня здесь не было, – отчеканил Холланд.

Монета описала широкую дугу и приземлилась на ладонь стражника. В ту секунду, когда Перси почувствовал холодок металла, он был уже один. Он смотрел на монету и не понимал, откуда она взялась. И еще ему казалось, он что-то забыл. Перси сжал кулак, сиюсь поймать ускользающее воспоминание.

Но тут оно улетучилось окончательно.

II

Даже ночью река светилась красным.

Когда Келл шагнул с набережной одного Лондона на набережную другого, гладкая черная полоса Темзы сменилась алой лентой Айла, излучавшего теплый свет. Сверкая, как бриллиант, Айл струился через весь Красный Лондон, озаряя его собственным ровным свечением.

Главная артерия города, вена, по которой текла магия.

Одни считали, что магия исходит из разума. Другие искали источник магии в душе, в сердце и силе духа.

Но Келл знал: магия – это кровь.

А кровь – это воплощенная магия. В ней она расцветает, ее она отравляет. Келл видел, что бывает, когда сила подчиняет себе человека, поглощает его, делает кровь черной. Если красный – цвет гармоничной магии, цвет равновесия между силой и человечностью, то черный – цвет несбалансированного, необузданного колдовства.

В Келле, как в любом антари, было и то и другое: и гармония, и хаос. Его кровь была нормального алого цвета – цвета реки в Красном Лондоне, но правый глаз блестел чернотой, как разлитые чернила.

Келлу хотелось верить, что именно кровь – и только она – дает ему силу, но печать черной магии на лице постоянно о себе напоминала. Она смотрела на него из каждого зеркала, отражалась в расширенных от изумления и страха зрачках обычных людей. Черная магия гудела у него в голове всякий раз, когда он прижимал окровавленную руку к стене и призывал силу.

Но кровь Келла никогда не темнела и была красной, как река. Как воды Айла – кровь Лондона.

Над рекой, словно мост, соединяя два берега, раскинулся королевский дворец, построенный из стекла, бронзы и камня. Его называли «Сонер раст» – «Бьющееся сердце» города. Его изогнутые шпили сверкали рядами сияющих точек.

Люди стекались сюда денно и ночью. Одни шли с обращениями и просьбами к монархам, но многие приходили именно к Айлу. Маги медитировали на берегу реки и черпали из нее силу, местные гуляли, а гости из арнезийской глубинки просто любовались рекой и чудесным дворцом и приносили сотни цветов – лилий, цикламенов, азалий, – чтобы положить их на набережной.

Стоя в тени у стены магазина, Келл посмотрел на дворец, похожий на солнце, вечно восходящее над городом, и на краткий миг увидел его таким, каким его видят гости: величественным, необыкновенным.

Но тут рука стала саднить, и он опомнился. Поморщившись, Келл повесил монету на шнурке на шею и направился к реке.

На берегах Айла кипела жизнь. Ночная торговля была в самом разгаре.

При свете реки, фонарей и луны торговцы в цветных шатрах продавали местным и приезжим еду и всякие безделушки и сувениры, как магические, так и обычные. Вот девушка с огромной охапкой лилий продает цветы желающим возложить их на ступени дворца. Вот старик выставляет напоказ десятки амулетов из полированной гальки, согласно поверьям, усиливающих власть над стихией. Едва уловимый аромат цветов растворяется среди запахов жареного мяса и свежих овощей, душистых специй и глинтвейна. Человек в темных одеждах предлагает засахаренные сливы, а женщина рядом с ним торгует хрустальными шарами. Другой продавец разливает по низким стеклянным кубкам горячий чай напротив прилавка с яркими масками и лотка с крошечными пузырьками с водой из Айла – вода все еще слабо светится.

Жизнь на ночном базаре не замирала круглый год. Торговцы менялись, но энергия оставалась прежней. Базар был такой же неотъемлемой частью города, как и река, подпитывавшая все вокруг своей магией. Келл прошел вдоль самого берега, петляя мимо пестрых прилавков, наслаждаясь вкусом и запахом воздуха, смехом и музыкой, магическим гулом. Уличный фокусник показывал стайке ребятишек трюки с огнем. Когда из его пригоршни вырвалось пламя в виде дракона, один мальчик отшатнулся от удивления и повалился прямо под ноги Келлу. Но прежде чем тот грохнулся на мостовую, Келл подхватил мальчишку за рукав и поставил на ноги.

Паренек затараторил «спасибо-сэр-извините», но вдруг заметил черный глаз Келла, и глаза мальчишки – оба карие – расширились от ужаса.

– Матъе! – крикнула женщина.

Мальчик вырвался из рук Келла и спрятался за ее спиной.

– Простите, сэр, – сказала она по-арнезийски, качая головой. – Не знаю, что на него...

Но тут женщина умолкла, взглянув в лицо Келлу. Воспитание, конечно, не позволило ей отвернуться и убежать, как ее сын. Но то, что она сделала, было для Келла еще хуже: женщина поклонилась ему, причем так низко, что парень испугался, как бы и она не грохнулась на мостовую.

– *Авен*, Келл, – выдохнула женщина.

У Келла сердце упало, он шагнул к ней, чтобы поскорее прервать поклон, еще надеясь, что никто ничего не заметил. Но было уже поздно.

– Он не смотрел... под ноги, – пробормотала склоненная женщина, подыскивая слова на английском – королевском наречии. Это еще больше покорило Келла.

– Я сам виноват, – мягко сказал он по-арнезийски, наконец подхватив женщину под локоть и заставив выпрямиться.

– Он просто... просто... не узнал вас... в этой одежде, – та явно обрадовалась, что Келл заговорил с ней на простонародном языке.

Келл окинул взглядом свой наряд: он по-прежнему был в потрепанной коричневой куртке, в которой ходил в таверну, а не в своем дворцовом наряде. Он специально не переоделся, чтобы насладиться атмосферой ярмарки вместе с приезжими и жителями Лондона, – и все равно его узнали. Келл почувствовал, как новость облетела рынок, что-то изменилось – несильно, но ощутимо, как морской прилив.

Когда он отпустил руку женщины, толпа перед ним расступилась, а смех и крики сменились благоговейным шепотом.

Это Ри знал, что делать в таких ситуациях, умело извлекал из них пользу. А Келлу было так неловко, что хотелось исчезнуть.

Он попробовал выдавить улыбку, но понял, что она больше напоминает гримасу. Тогда Келл пожелал женщине и ее сыну спокойной ночи и быстро пошел вдоль реки, оставляя позади себя шушукавшихся торговцев, покупателей и простых зевак. Он не оглядывался, но шепот преследовал его до усыпанных цветами ступеней королевского дворца.

Стражи не двинулись с мест – лишь слегка склонили головы, когда Келл поднимался по лестнице. Он обрадовался, что большинство из них не стали кланяться. Только Перси – один из охранников Ри – не выдержал, но, по крайней мере, постарался поклониться как можно незаметнее. Поднимаясь по ступеням, Келл на ходу сбросил с себя куртку и вывернул ее справа налево. Когда он снова сунул руки в рукава, они уже не были изорванными и засаленными. Гладкая дорогая ткань была такого же алого цвета, как воды струившегося под дворцом Айла.

В Красном Лондоне алый – королевский цвет.

Келл остановился на верхней ступеньке, застегнул блестящие золотые пуговицы и вошел внутрь.

III

Он застал их в саду, где они пили чай под сенью пожелтевших деревьев, сквозь ветви которых проглядывало ясное осеннее небо.

Король и королева сидели за столом, а Ри, растянувшись на диване, без умолку болтал о своем близящемся дне рождения и связанных с ним торжествах.

– Это называется *день* рождения, – не отрывая глаз от стопки бумаг, сказал король Максим, широкоплечий великан с ясными глазами и черной бородой. – Один день, а не несколько дней, ну и, разумеется, не целая неделя!

– Двадцать лет! – воскликнул Ри, взмахнув пустой чайной чашкой. – Двадцать! Попрасновать пару дней не зазорно. – Его янтарные глаза лукаво блеснули. – К тому же половина торжеств устраивается для народа – как я могу отказать людям в радости?

– А другая половина? – спросила королева Эмира. Ее длинные темные волосы были собраны в толстую косу, переплетенную золотой лентой.

Ри победно улыбнулся:

– Ты же сама мечтаешь, чтобы я нашел себе пару, матушка.

– Да, – кивнула она, рассеянно передвигая предметы на столе, – но это не значит, что нужно превратить дворец в бордель.

– Какой еще бордель?! – воскликнул Ри, взерошив свои густые черные волосы и ненароком сдвинув набок золотой венец. – Это просто чрезвычайно эффективный способ оценить множество разнообразных качеств потенциальных... а вот и Келл! Он меня поддержит.

– По-моему, это кошмарная идея, – откликнулся Келл.

– Предатель! – буркнул Ри с притворной обидой.

– Но он все равно сделает по-своему, – добавил Келл, подходя к столу. – Так что уж лучше устроить праздник прямо во дворце, где проще уберечь его от неприятностей – ну, или хотя бы свести их к минимуму.

Ри просиял.

– Разумно, очень разумно, – прогудел он, подражая низкому голосу отца.

Король отложил в сторону бумагу и посмотрел на Келла:

– Как прошло путешествие?

– Оно оказалось длиннее, чем хотелось бы, – ответил Келл, пытаясь отыскать в карманах своего необыкновенного плаща письмо от принца-регента.

– Мы уже начали волноваться, – сказала королева Эмира.

– Старый король совсем плох, а принц-регент еще хуже, – доложил Келл и передал письмо королю. Тот взял его и отложил в сторону, не читая.

– Присядь, – пригласила королева. – Ты какой-то бледный.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил король.

– Нормально, сэр, – ответил Келл, с радостью опускаясь на стул. – Просто устал.

Королева коснулась щеки Келла. Все члены королевской семьи с их смуглой кожей, карими глазами и черными волосами, казались похожими на отполированные деревянные статуи. Рядом с ними бледный и рыжеватый Келл чувствовал себя белой вороной. Королева отвела в сторону его челку. Она всегда стремилась заглянуть в его правый, совершенно черный, глаз, будто в нем, как в магическом кристалле, можно найти ответ на любой вопрос. Впрочем, что она там видела, королева никогда не рассказывала. Келл взял ее руку и поцеловал.

– Со мной все хорошо, ваше величество. – Она бросила на него недовольный взгляд, и Келл исправился: – Матушка.

Слуга подал сладкий чай с мятой. Келл с наслаждением стал его пить. Пока королевская семья беседовала, он витал в облаках под убаюкивающее журчание их голосов.

Когда начали слипаться глаза, Келл попросил разрешения уйти. Ри тут же вскочил с дивана. Келл не удивился. Он чувствовал на себе пристальный взгляд принца с тех пор, как только появился в саду.

Оба пожелали королевской чете спокойной ночи, и Ри отправился за Келлом во дворец, машинально поправляя золотой венец, надетый на черные кудри.

– Что я пропустил? – спросил Келл.

– Не так уж много, – ответил Ри. – Заходил Холланд. Недавно ушел.

Келл нахмурился. Красный Лондон поддерживал более тесные связи с Белым, нежели с Серым, но тем не менее визиты наносили по определенному графику. А Холланд явился почти на неделю раньше.

– С чем ты вернулся? – поинтересовался Ри.

– С мигренью, – буркнул Келл, протирая глаза.

– Ты знаешь, о чем я. Что ты протащил в наш мир?

– Всего пару монет. – Келл развел руками и добавил с ухмылкой: – Обыщи, если хочешь.

Ри никогда не мог разобраться в устройстве его плаща. Решив, что вопрос исчерпан, Келл развернулся и зашагал по коридору, но принц вдруг догнал его, схватил за плечи и толкнул к стене с такой силой, что висевший на ней портрет королевской четы покачнулся. Стражники повернули головы, но с места не двинулись.

Келл был на год старше Ри. Но в отличие от принца, фигурой напоминавшего античные статуи, был высоким и худым и, конечно, не мог потягаться с ним в силе.

– Никогда не лги мне, – проговорил Ри, прижимая Келла к стене.

Тот поджал губы. Два года назад Ри узнал обо всем. Нет, конечно, не поймал с поличным, но все же правда вышла наружу. Как-то летней ночью они пили вдвоем на одном из многочисленных дворцовых балконов. Внизу светился Айл, над головой раскинулись небеса, и Келл поделился своим секретом. Он рассказал Ри о своих сделках в Сером, Белом и даже порой в Красном Лондоне, о различных штуковинах, пронесенных контрабандой. И Ри внимательно его слушал. Когда Келл закончил, он не стал читать нотаций, только спросил:

– Зачем?

– Не знаю, – честно ответил тот.

Ри выпрямился, постарался сфокусировать взгляд.

– Разве тебе чего-нибудь не хватает? – спросил он, явно расстроенный. – Разве ты в чем-то нуждаешься?

– Нет.

Это было и правдой, и ложью одновременно.

– Тебе недостаточно, что мы все тебя любим? – прошептал Ри. – Принимаем как родного?

– Но на самом-то деле я вам не родной, – возразил Келл. – Я не Мареш, хотя король с королевой и предлагали мне взять вашу фамилию. Но я не чувствую себя принцем, скорее вещью.

Вот тут Ри ударил его кулаком по лицу.

Келл еще неделю ходил с подбитым глазом, так что черными казались оба. Он никогда больше не поднимал эту тему, но слово – не воробей. Сперва Келл надеялся, что Ри был так пьян, что ничего не вспомнит, но напрасно. Принц не рассказал ни королю, ни королеве, и Келл был ему за это благодарен, но теперь всякий раз, когда он возвращался из другого Лондона, названный брат приставал к нему с расспросами. Келл оправдывался, чувствуя себя не только преступником, но еще и круглым дураком.

– Почему ты не бросишь свои глупости? – спросил принц, отпустив наконец Келла.

– Мне нравится. Какое-то разнообразие, – усмехнулся тот, расправляя камзол.

Ри покачал головой:

– Послушай, я довольно долго закрывал глаза на твой ребяческий бунт, но эти двери были заперты неспроста. Контрабанда – преступление.

Келл зашагал по коридору.

– Я проношу только безделушки. Это не опасно.

– Еще как опасно, – возразил Ри, шагая с ним рядом. – Хотя бы потому, что если родители узнают...

– Ты им скажешь?

Ри вздохнул. Келл видел, что он дважды собирался что-то сказать, но молчал. Наконец принц проговорил:

– Ради тебя я бы отдал все, что угодно.

У Келла защемило сердце.

– Знаю.

– Ты – мой брат. Мой лучший друг.

– Знаю.

– Тогда прекрати эти дурачества сам, пока я не положил им конец.

Келл выдавил усталую полуулыбку:

– Осторожнее, Ри. Ты говоришь прямо как король.

Принц ухмыльнулся:

– Когда-нибудь я им стану, и мне нужно, чтобы ты был рядом.

Келл улыбнулся в ответ:

– Поверь, мне тоже.

И это было чистой правдой.

Ри похлопал его по плечу и отправился спать. Сунув руки в карманы, Келл смотрел ему вслед. Жители Лондона, и всей страны, обожали принца. Да и как его не обожать? Молодой, красивый и добрый. Пожалуй, он слишком часто и слишком успешно играл роль повесы, но за образом ловеласа с лучистыми глазами, в которых вспыхивали золотистые искры, скрывались острый ум и добрые намерения – желание всех вокруг осчастливить. У него было мало способностей к магии и еще меньше интереса к ней, но недостаток силы с лихвой возмещался обаянием. К тому же Келл точно знал: магия только портит правителей – каждое его путешествие в Белый Лондон это подтверждало.

Он пошел к себе. За темными дубовыми дверьми его ждала просторная спальня с балконом, за которым сиял алым светом Айл. Ветерок колыхал драпировки, подвешенные под высоким потолком. Роскошная кровать с балдахином, пуховыми перинами и шелковым бельем манила к себе. Келл собрал всю свою волю в кулак, чтобы не повалиться на нее, пересек спальню и шагнул в другую комнату, поменьше, заставленную шкапами с книгами по магии, в том числе и магии антари. Таких было немного – все, что Келлу удалось отыскать (после того, как были навсегда закрыты двери в Черный Лондон, большинство книг на эту тему уничтожили). Келл закрыл за собой дверь, небрежно щелкнул пальцами, и на краю полки зажглась свеча. В ее неярком свете он разглядел несколько меток на внутренней стороне двери: перевернутый треугольник, параллельные линии, круг... – знаки совсем простые, но зато их легко рисовать и трудно перепутать. Для него это были двери, ведущие в разные места Красного Лондона. Келл остановил взгляд на метке посередине: две пересекающиеся черты. Он прижал пальцы к самому свежему порезу на руке, где еще не засохла кровь, и начертил метку.

– *Ас Тасцен*, – устало произнес он.

Стена дрогнула, и его личная библиотека превратилась в тесную каморку. Величественная тишина королевских покоев сменилась шумом таверны внизу и городским шумом за стеной – здесь он слышался гораздо отчетливее, чем во дворце.

Таверна называлась «Ис кир айес» – «Рубиновые поля». Заправляла ею старуха по имени Фауна. Она ругалась, как матрос, и характер у нее был не более покладистый, чем у старого пьяницы. Когда-то давно Келл заключил с ней сделку (уже тогда Фауна была старухой, будто такой родилась), и арендовал у нее каморку на втором этаже.

Жалкая, обшарпанная и такая тесная, что не развернуться, эта комната зато целиком и полностью принадлежала ему. На окно и дверь он нанес заклятия – не совсем законные, – так что никто не мог проникнуть внутрь и даже догадаться о существовании этой комнаты. На первый взгляд каморка казалась совершенно пустой, но на самом деле все пространство под кроватью и все ящики комода были забиты коробками, а в этих коробках хранились сокровища, которые Келл добыл во всех трех Лондонах.

Он тоже считал себя коллекционером.

На виду были только томик стихов, стеклянный шар, наполненный черным песком, и три географические карты. Книгу стихов, написанных человеком по фамилии Блейк, Келл выменял у одного коллекционера в Сером Лондоне в прошлом году, и корешок уже обтрепался. Стеклянный шар – безделушка из Белого Лондона. Считалось, что в нем можно увидеть свои мечты, но Келл его еще не опробовал.

А три карты висели на стене, прикрепленные кнопками, и служили единственным украшением комнаты. Издали их можно было принять за карту одной и той же островной страны, но общим было лишь слово «Лондон» на всех трех картах. Серый Лондон. Красный Лондон. Белый Лондон. Слева висела карта Великобритании – от пролива Ла-Манш до самой оконечности Шотландии, очень подробная. На карте справа напротив мало что было обозначено. Столицей правили безжалостные близнецы Даны, страна называлась Макт, и все в ней постоянно менялось. Карту в центре Келл знал лучше всего, ведь это была его родина – Арнес. Название страны, выведенное изящным шрифтом, шло вдоль острова, но на самом деле остров со столицей находился на краю огромной империи.

Три совершенно разных Лондона в трех совершенно разных мирах, и Келл – один из немногих, кто видел их все. Зато, в отличие от других людей, он почти не бывал за пределами этих городов. На службе у короля и королевы Келл не имел права отлучаться надолго, а потому ни разу не удалялся от того или иного Лондона больше чем на один день пути.

Все тело ломало от усталости. Келл потянулся и сбросил с себя плащ. Он порылся в карманах, нашел сверток с серебряной музыкальной шкатулкой и, аккуратно опустив его

на кровать, бережно развернул. Фонари в комнате разгорелись ярче, когда он поднес безделушку к свету. Однако, вновь почувствовав боль в руке, Келл отложил шкатулку, встал и подошел к комоду, где всегда стояли тазик с водой и несколько кувшинов. Келл закатал рукав черной рубашки, омыл предплечье и принялся обрабатывать ранки мазью. Он знал команду для исцеления – «Ас Хасари», – но она не предназначалась для самих антари. К тому же совсем не годилась для мелких ран, так как отнимала энергии больше, чем возвращала здоровья. Порезы на руке уже и сами начали затягиваться. Благодаря магии в крови у антари все быстро заживает. К утру неглубокие отметины должны были полностью исчезнуть, а кожа разгладиться. Келл собирался опустить рукав, когда его внимание, как обычно, привлек маленький блестящий шрам чуть ниже локтевого сгиба – почти незаметный символ.

Почти, но не совсем.

Келл жил во дворце с пяти лет и впервые заметил этот знак в двенадцать. Много недель искал он эту руну во дворцовых библиотеках.

«Память».

Он провел большим пальцем по шраму. Вопреки своему названию, руна нужна была не для того, чтобы помнить, а для того, чтобы забыть.

Забыть минуту, день, целую жизнь. Но такого рода заклинания строго запрещены. За них приговаривают к высшей мере – лишению силы. А в мире, где правит магия, это хуже смерти. И Келл носил на себе след такого заклатья. Более того, он подозревал, что, кто бы ни лишил его памяти, он сделал это с разрешения короля и королевы.

«KL».

Инициалы на ноже. Он ничего не знал (и никогда не узнает) о своем оружии, об этой метке и связанной с ними жизни. Буквы английские или арнезийские? Ведь они встречаются в обоих алфавитах. Что означают «K» и «L»? Что скрывается за инициалами, давшими ему имя: «кей» и «эл» постепенно превратились в «Келл». Когда его привели во дворец, Келл был совсем маленьким. Нож его собственный? Или принадлежал его отцу? Может быть, кто-то оставил ему этот нож, чтобы Келл когда-нибудь вспомнил, кто он? Так кто же он? Этот вопрос всегда его мучил. Он часто ловил себя на том, что смотрит на центральную карту на стене, задаваясь вопросом, откуда он и кто его родители.

Одно ясно: они не были антари. Магия живет в крови, но не передается по наследству. Она сама выбирает свой путь и собственную форму. От сильных магов порой рождаются слабые, и наоборот. Отец огненного мага управляет водой, а мать целителя повелевает землей. Силу нельзя культивировать как урожай. Иначе антари специально бы разводили. Идеальные маги, способные управлять любой стихией, творить любые заклинания, повелевать окружающим миром при помощи собственной крови, они легко стали бы опасным оружием в преступных руках. Вероятно, природа позаботилась о том, чтобы сила антари не наследовалась, как раз для того, чтобы поддерживать равновесие, баланс сил.

По правде говоря, никто не знает, как и почему появляются на свет антари. Одни считают это случайностью. Другие верят, что это божественный промысел, а сами антари чуть ли не полубоги, явившиеся в мир, чтобы совершать подвиги. Некоторые ученые, например Тирен, полагают, что антари – результат перетекания магии разных видов между мирами, потому они и вымирают. Но какой бы теории кто ни придерживался, большинство считают антари избранниками магии, благословленными и отмеченными ею.

Келл рассеянно поднес пальцы к правому глазу.

Впрочем, факт остается фактом: антари встречаются все реже и ценятся все больше. Дар антари всегда вызывал интерес и уважение, но теперь, когда они рождаются настолько редко, их выискивают, берегут и охраняют, как сокровища. И, хотя Ри не хочет этого признать, Келл входит в королевскую коллекцию.

Он взял серебряную музыкальную шкатулку и несколько раз повернул рычажок у нее на боку.

«Ценная безделушка, – подумал Келл, – но все равно безделушка». Зазвучала мелодия, и шкатулка задрожала в руке, будто птичка, но он не поставил ее, а крепко сжал и, растянувшись на жесткой кровати, слушал негромкую музыку и любовался этим изящным устройством.

Как же он сам стал ценной безделушкой? Что случилось, когда его глаз почернел? Он таким родился и пять лет его скрывали или магическая метка проявилась позже? Пять лет его воспитывали другие люди. Они не хотели с ним расставаться или, наоборот, с радостью преподнесли в дар королевской семье?

Король и королева отказывались говорить о его прошлом, и Келл научился не задавать лишних вопросов даже самому себе. Отгородился от них, но сейчас усталость разрушила границу, и вопросы нахлынули с новой силой.

Та жизнь, которую он забыл, какой она была?

Келл вздохнул, досадуя на самого себя. Много ли может упомянуть пятилетний ребенок? Кем бы он ни был до того, как его привели во дворец, это уже не имеет значения.

Того мальчика уже нет.

Пружинка раскрутилась, и мелодия умолкла. Тогда Келл снова завел шкатулку и закрыл глаза. Музыка Серого и воздух Красного Лондона погрузили его в сон.

Глава 3

Серая воровка

I

Делайла Бард руководствовалась в жизни простым правилом: если вещь ценная, ее нужно взять.

Она поднесла карманные серебряные часы к слабому свету уличного фонаря, любуясь блеском металла и гадая, что значат инициалы Л. Л. Э., выгравированные на задней стороне. Лайла стащила их у одного джентльмена. «Случайное» столкновение на людной улице, торопливые извинения, одна рука ложится на плечо, отвлекая внимание, пока другая обшаривает карманы. Пальцы у Лайлы были не только проворные, но и легкие, как пушинка. Девушка коснулась цилиндра и мило пожелала спокойной ночи. И вот она счастливая обладательница серебряных часов, а их хозяин пошел дальше, даже не заметив, что его обчистили.

Лайлу не интересовали сами вещи, просто воровство давало ей свободу. Конечно, слабое оправдание, но уж лучше быть воровкой, чем оказаться в тюрьме или богадельне. Девушка провела большим пальцем в перчатке по стеклянному циферблату.

– Не подскажете, который час? – раздался мужской голос у нее за спиной.

Лайла подняла голову: это был констебль.

Она поднесла руку к цилиндру, украденному у задремавшего кучера неделю назад, надеясь, что констебль не распознает в этом жесте желание прикрыть лицо, а примет его за простое приветствие.

– Половина десятого, – пробормотала она низким голосом и засунула часы в жилетный карман. Она сделала это очень аккуратно, чтобы плащ не распахнулся и констебль не увидел целого ассортимента оружия под ним. Лайла была высокая и худая, с мальчишеской фигурой. В мужской одежде издали ее легко было принять за юношу. Но вблизи, конечно, все становилось ясно.

Лайла знала, что надо уходить, пока не поздно, и все же, когда констебль с досадой взглянул на свою погасшую трубку, порылся в карманах, но спичек не нашел, она неожиданно для себя подняла с земли щепку. Поставив одну ногу на цоколь фонарного столба, Лайла ловко подтянулась, чтобы зажечь палочку от огня. Свет фонаря лег на ее лицо. В груди приятно затрепетало от близкой опасности, и Лайла в который раз задумалась, что же с ней не так. Бэррон тоже всегда говорил, что она сама нарывается, но Бэррон такой зануда.

– Ищешь неприятности, – ворчал он. – И не успокойсья, пока не найдешь.

– Неприятности сами нас ищут, – возражала она. – Лучше уж найти их первой.

– Почему тебе так не терпится умереть?

– Наоборот, я обожаю жизнь.

Лайла спустилась, и ее лицо вновь оказалось в тени, как только она передала констеблю горящую щепку. Тот буркнул «спасибо», раскурил трубку, пыхнул пару раз и собирался уже уйти, но замешкался. У Лайлы екнуло сердце, когда он посмотрел на нее повнимательнее.

– Вам следует быть осторожнее, сэр, – наконец сказал он. – Не ходите ночью один по улице, а не то могут обчистить карманы.

– Грабители? – спросила Лайла, стараясь говорить низким голосом. – Неужели здесь, в Итоне?

– Вот именно.

Констебль кивнул и достал из кармана плаща сложенный вчетверо лист бумаги. Лайла протянула руку и взяла его, хотя сразу же поняла, что это портрет разыскиваемого преступника. Она уставилась на зарисовку, точнее, неясный набросок человека в полумаске и широкополой шляпе.

– Обчищает карманы, ограбил уже двух джентльменов и одну леди. Мы, конечно, были готовы к неприятностям, но только не в этом районе. Очень дерзкий мошенник.

Лайла подавила улыбку. Это была правда. Одно дело – промышлять по мелочовке на южном берегу, и совсем другое – красть серебро и золото из карет в Мейфэре. Большинство воров – болваны и околачиваются в трущобах. Бедняки всегда начеку, а вот богачи расхаживают с важным видом, не глядя по сторонам, уверенные, что им ничего не угрожает в приличном районе. Однако Лайла знала, что приличных районов не бывает. Есть районы выгодные и бесполезные, и ей хватало ума, чтобы отличать одни от других.

Она вернула листовку констеблю, чуть приподняла цилиндр, прощаясь, и проговорила:

– Хорошо, буду начеку.

– Это правильно, – похвалил констебль. – Сейчас ведь не то, что раньше. Эх, все меняется...

Он побрел прочь, попыхивая трубкой и бормоча «куда катится мир» или что-то в этом духе, она не разобрала: кровь стучала у нее в ушах слишком громко.

Едва он скрылся из виду, Лайла облегченно вздохнула и прислонилась к фонарному столбу. Голова кружилась от счастья. Девушка сняла цилиндр, посмотрела на маску и широкополую шляпу, засунутые внутрь, и мысленно улыбнулась. Затем она снова надела цилиндр, оттолкнулась от столба и направилась к докам, насвистывая на ходу.

II

Корабль «Морской царь» был далеко не таким величественным, как его название.

Его краску разъела соль, деревянный корпус кое-где прогнил наполовину, а в других местах – полностью. Казалось, посудина вот-вот медленно уйдет под воду.

Вероятно, корабль еще держался на плаву только благодаря тому, что стоял, привалившись к причалу, состояние которого было немногим лучше. Лайла представляла, как однажды и судно, и причал одновременно погрузятся в мутную воду Темзы.

Пауэлл уверял, что «Морской царь» в отличной форме, и божился, что судно хоть сейчас может выйти в открытое море. Но Лайла прекрасно видела, что старая развалина едва не рассыпается даже от легкого покачивания на волнах в порту.

Девушка ступила на трап, и доски затрещали под ее сапогами. Дрожь разошлась волнами по всему судну, как будто оно противилось ее приходу. Не обращая внимания, Лайла поднялась на борт, на ходу пытаясь развязать завязки плаща у горла.

Все тело ныло от усталости, и тем не менее она не изменила привычке. Так же, как делала каждый вечер, добралась до корабельного носа и стиснула пальцами штурвал. Холодное дерево под ладонями, легкое покачивание палубы – все как полагается. Лайла Бард чувствовала, что рождена стать пиратом. Просто ей нужно хорошее судно, и как только оно появится... Ветерок подхватил полы плаща, и Лайла закрыла глаза, представив, как рассекает волны в открытом море – вдалеке от Лондона и от какой-либо суши. Морской ветер насквозь продувает потрепанные рукава. Океанские волны бьют о борт корабля. Она чувствует аромат свободы – подлинной свободы – и приключений. Девушка вздернула подбородок, который щекотали воображаемые соленые брызги, глубоко вдохнула морской воздух и улыбнулась. Открыв глаза, она с сожалением обнаружила, что «Морской царь» все так же неподвижно стоит у причала.

Лайла оттолкнулась от перил и пошла по палубе к себе в каюту. Доски гулко вторили ее шагам, и девушка впервые за ночь почувствовала себя в безопасности. Она прекрасно знала, что безопасности здесь нет и в помине, что везде в городе опасно: и в шикарной карете в Мейфэре, и уж тем более на полусгнившем судне в сомнительном доке. Но все равно это место – привычное? укромное? – порождало чувство безопасности или вроде того. Никто не следил за тем, как Лайла пересекла палубу. Никто не видел, как она спустилась по крутым ступенькам в корабельные недра. Никто не шел вслед за ней по сырому коридорчику до каюты в самом конце.

Узел у горла наконец удалось развязать, Лайла скинула плащ и швырнула на койку, подвешенную на одной из стен каюты. Туда же отправился и цилиндр, содержимое которого вывалилось на темное покрывало. В углу стояла печка с едва тлеющими углями. Лайла разворошила их, потом взяла щепку и зажгла сальные свечи, расставленные по всей каюте. Затем девушка стянула перчатки и тоже кинула их на койку. Наконец сняла кожаный ремень вместе с кобурой и кинжалом. Разумеется, это было еще не все оружие, но с остальным Лайла расставалась только в случае крайней необходимости. Кинжал – обычный, хоть и чрезвычайно острый, – она бросила на кровать к остальным вещам, а вот кремневый револьвер бережно, даже благоговейно опустила в ящик стола. Кастер (у хорошего оружия должно быть имя) был подлинной жемчужиной; в прошлом году девушка вынула его из руки одного мертвого богача.

Пока Лайла добиралась до доков, возбуждение от ночных приключений развеялось, и теперь девушка устало развалилась на стуле. Как и трап, тот резко и недовольно заскрипел, когда она забросила ноги в сапогах на стол. Потертая деревянная столешница была завалена картами, в основном свернутыми, но одна расстилась во всей своей красе, придавленная камешками и крадеными безделушками. Лайла любила ее больше всего, потому что на ней не было ни одной надписи. Наверняка кто-то знал, что это за карта, но только не Лайла. Для нее это была карта неведомых земель.

На столе стоял, прислоненный к стенке, большой осколок зеркала с мутными краями, Лайла поймала собственный взгляд, слегка поморщилась и взерошила темные растрепанные волосы длиной до подбородка.

Лайле было девятнадцать, и каждый год оставил свою метку. Девушка потрогала кожу под глазами, оттянула щеки, провела пальцем по губам. Давным-давно никто не называл ее красивой.

Не то чтобы Лайла хотела быть красивой – красота не принесла бы ей пользы. Господь свидетель, она не завидовала леди с их тесными корсетами, пышными юбками, писклявым и неуместным смехом и притворными обмороками. Ее бесило, как они опирались о руки джентльменов, притворяясь слабыми, чтобы извлечь выгоду из их силы.

Лайла абсолютно не понимала, зачем притворяться слабой.

Она попыталась представить себя одной из леди, которую ограбила сегодня, и улыбнулась: как легко запутаться во всех этих юбках, споткнуться, выдать себя. Она ухмыльнулась. Сколько таких дамочек флиртовали с ней, падали в обморок, вцеплялись в ее руку и делано восхищались ее силой!

Лайла вспомнила о добыче, лежавшей в кармане.

Все, хватит.

Так им и надо – пусть не прикидываются слабыми. Может, теперь-то они перестанут падать в обморок, едва завидев цилиндр, и хвататься за каждую протянутую руку.

Лайла оперлась затылком о спинку стула. Она слышала, как Пауэлл шумит у себя в каюте: пьет, ругается и хвастается своими подвигами перед вогнутыми стенами гниющего судна. Он рассказывал о землях, которых на самом деле никогда не видел, о девицах, которых не соблазнял, и о сокровищах, которых не находил. Он был лжецом, пьяницей и глупцом

(в любой день можно было наблюдать его во всех трех ипостасях в трактире «Бесплодный прилив»), но у него была лишняя каюта, а Лайла нуждалась в жилье, так что они договорились. Ей приходилось делиться добычей в благодарность за гостеприимство, а он взамен закрывал глаза на то, что сдает комнату преступнику, разыскиваемому полицией, – точнее, не преступнику, а преступнице.

Пауэлл, как всегда, разглагольствовал в своей каюте. Он мог говорить часами, но Лайла привыкла к этим звукам и обращала на них не больше внимания, чем на скрипы, треск и шорох старого «Морского царя».

Она уже склонила голову в дремоте, как вдруг кто-то постучал три раза в дверь. Вернее, постучал дважды, поскольку был слишком пьян, и на третий раз рука соскользнула и проехала по дереву. Лайла сняла ноги со стола и тяжело опустила их на пол.

– В чем дело? – крикнула она, вставая, когда дверь распахнулась. В проеме стоял Пауэлл, шатаясь от виски и легкой качки.

– Лааааайла, – произнес он нараспев. – Лаааа-айлааааа.

– Что?

В одной его руке была бутылка, в которой плескалось виски, а другую Пауэлл протянул ладонью вверх.

– Моя доля.

Лайла засунула руку в карман и достала пригоршню монет. Большинство оказалось тусклыми медяками, но среди них блеснуло и несколько серебряных. Она отобрала их и опустила в ладонь Пауэлла. Тот сжал кулак и звякнул деньгами.

– Маловато, – буркнул он, когда девушка ссыпала медь обратно в карман. Лайла подумала о серебряных часах в кармане жилета, но не вытащила их, сама не зная почему. То ли потому, что они ей приглянулись. То ли просто решила не баловать Пауэлла дорогими подарками, а то привыкнет и будет их всегда требовать.

– Вялая выдалась ночка, – сказала она, скрестив руки. – Завтра возьму разницу.

– От тебя много неприятностей, – невнятно промычал Пауэлл.

– Неужели? – хмыкнула Лайла дружелюбным тоном, но при этом зло оскалившись.

– Больше, чем пользы, – продолжал он. – Сегодня уж точно.

– Остаток принесу завтра, – отчеканила девушка. – Ты пьян. Иди спать.

Она хотела отвернуться, но Пауэлл схватил ее за локоть.

– Я возьму сегодня, – сказал он с ухмылкой.

– Я же сказала, что у меня нет... – Пауэлл уронил бутылку и притиснул Лайлу к столу. – Не обязательно монетами, – прошептал он, скользнув взглядом по ее манишке. – Ты же девка, хотя и в мужской одежде.

Тут Лайла заехала ему коленом в живот, и Пауэлл, шатаясь, попятился.

– Это ты зря, – зарычал он, побагровев, и начал расстегивать ремень.

Недолго думая Лайла рванула ящик стола, где лежал пистолет, но Пауэлл вскинул голову, ринулся вперед и, схватив ее за запястье, дернул к себе. Он толкнул ее на койку, на которой лежали цилиндр, перчатки, плащ и нож.

Пауэлл бросился на нее, Лайла схватила ножны. Он сжал ее колено и притянул к себе, как раз когда она вытащила кинжал. Опершись на Пауэлла, она вскочила и загнала клинок ему в живот.

На этом потасовка в тесной каюте закончилась.

Пауэлл уставился на торчащий нож и раскрыл от удивления рот. На миг показалось, что это его не остановит, но Лайла умела орудовать ножом – знала, как ранить, а как нанести смертельный удар.

Пауэлл сжал ее плечи, но вдруг покачнулся, нахмурился, и колени его согнулись.

– Это ты зря, – прошипела девушка и выдернула нож. В следующую секунду Пауэлл рухнул на пол.

Лайла минуту смотрела на тело, оглушенная тишиной, которую нарушало лишь ее сердцебиение да плеск воды о корпус корабля, а потом пнула мертвеца носком сапога.

Умер.

Кровь растекалась по полу и просачивалась через щели в трюм. Нужно что-то делать. Причем немедленно.

Лайла присела на корточки, вытерла клинок о рубашку Пауэлла и достала серебряные монеты из его кармана. Потом переступила через тело, вынула револьвер из ящика стола, застегнула на поясе ремень и набросила на плечи плащ. Немного подумав, Лайла подняла с пола бутылку виски, которая чудом не разбилась при падении, вытащила зубами пробку и вылила жидкость на Пауэлла, хотя в крови у него было столько алкоголя, что он наверняка загорелся бы и так.

Девушка взяла свечу и уже хотела поднести ее к телу Пауэлла, как вдруг вспомнила про любимую карту, расстеленную на столе. Свернув ее и спрятав под плащ, Лайла в последний раз окинула взглядом каюту, после чего подошла к мертвецу – и корабль вместе с ним.

Лайла стояла в доке и смотрела, как горит «Морской царь».

Лицо согревал огонь: алые отблески плясали на подбородке и щеках – такие же отсветы отбрасывала горящая щепка, когда она стояла перед констеблем. «Жаль, – подумала Лайла. – Лучше бы он сгнил». Но это же все равно не ее корабль. Нет, ее корабль будет намного лучше.

«Морской царь» скрипел, пламя пожирало его, а Лайла наблюдала, как мертвое судно опускается на дно. Она стояла, пока не услышала далекие крики и топот: люди, конечно, бежали тушить пожар, но было слишком поздно.

Потом девушка вздохнула и пошла искать новое место для ночлега.

III

Бэррон стоял на ступеньках таверны «В двух шагах», рассеянно глядя в сторону доков, когда подошла Лайла с цилиндром и картой под мышкой. Проследив за его взглядом, она увидела зарево пожара над крышами домов и призрачный дым в хмуром ночном небе.

Сначала Бэррон сделал вид, будто не заметил девушку, и она не могла его осуждать. Расстались они не очень хорошо: он выгнал ее за воровство (хотя обокрала она, конечно, не Бэррона, а посетителя), и Лайла ушла в бешенстве, проклиная хозяина и его трактир.

– Куда ты пойдешь? – крикнул он ей тогда вслед громовым голосом, хотя обычно Бэррон никогда не кричал.

– На поиски приключений, – бросила она, не оглядываясь.

Сейчас Лайла неспешно шагала по бульжной мостовой, а Бэррон посасывал сигару.

– Так быстро вернулась? – спросил он, не глядя на нее. Лайла поднялась по ступенькам и прислонилась к двери таверны. – Уже нашла приключения? Или они нашли тебя?

Лайла не ответила, слушая звон кружек и крики пьяниц, доносившиеся изнутри. Она ненавидела эти звуки – ненавидела таверны вообще, но только не эту. Все другие отталкивали ее, вызвали отвращение, но это место притягивало как магнит. Даже если Лайла не собиралась сюда идти, она непременно здесь оказывалась. Сколько раз за последний год ноги сами приводили ее к этим ступенькам? Сколько раз она почти заходила внутрь? Впрочем, Бэррону она об этом не скажет. Лайла поглядела на хозяина. Он стоял, запрокинув голову, и смотрел в небо, словно там можно было различить что-то, кроме туч.

– Что с «Морским царем»? – спросил он.

– Сгорел.

Лайла почувствовала гордость, когда Бэррон удивленно вскинул брови. Ей нравилось его удивлять. Хотя это было не так-то просто.

– Надо же...

– Ну ты же знаешь, как это бывает, – сказала Лайла, пожав плечами. – Старое дерево легко вспыхивает.

Бэррон внимательно посмотрел на нее и медленно выдохнул дым.

– Не уберег Пауэлл свой бриг.

– Ага, – кивнула Лайла, водя пальцами по краю цилиндра.

– От тебя пахнет гарью.

– Мне... мне нужна комната.

Слова застревали в горле.

– Странно, – произнес Бэррон, снова выпуская клубы дыма. – Я хорошо помню, как ты советовала мне взять мою таверну со всеми ее убогими комнатками и засунуть себе...

– Времена меняются, – перебила Лайла и, выдернув сигару у него изо рта, глубоко затянулась.

Бэррон уставился на нее в свете фонаря:

– У тебя все нормально?

Лайла смотрела на струйку дыма, рассеивающуюся в воздухе.

– Да, у меня всегда все нормально.

Она вернула сигару и достала из жилетного кармана серебряные часы – теплые и гладкие. Лайла сама не понимала, почему они ей так нравились. Может быть, потому, что у нее был выбор: брать их или нет. А потом ей снова пришлось выбирать: оставить ли их себе. И если первый выбор можно назвать случайным, во второй раз часы наверняка остались у нее неспроста. Возможно, именно для того, чтобы теперь сослужить ей службу. Лайла протянула часы Бэррону:

– Этого хватит на пару ночей?

Хозяин таверны взглянул на часы и сомкнул пальцы Лайлы поверх них.

– Оставь себе, – небрежно сказал он. – Я знаю, что ты исправно платишь.

Лайла спрятала часы в карман, с радостью ощутив их вес в руке, и вдруг осознала, что придется начинать с нуля. Ну, почти с нуля. У нее есть цилиндр, карта неведомых земель, несколько ножей, кремневый револьвер, горстка монет и серебряные часы.

Бэррон распахнул дверь, но, когда она уже собиралась войти, преградил ей путь:

– Никого здесь не трогай. Понятно?

Лайла холодно кивнула.

– Я ненадолго, – уверила она. – Пока дым не рассеется.

Из дверного проема донесся звон разбитого стекла, Бэррон вздохнул и шагнул внутрь, кинув напоследок:

– С возвращением.

Лайла тоже вздохнула и посмотрела вверх, но не в небо, а на окна второго этажа грязной маленькой таверны. Да, она ничуть не похожа на пиратский корабль – символ свободы и приключений.

«Пока дым не рассеется», – повторила она про себя.

Возможно, все не так уж плохо. В конце концов, она вернулась сюда не с поджатым хвостом. Просто ей надо скрыться. Она в розыске.

На столбе рядом с дверью колыхался лист бумаги – такой же, какой показывал ей констебль. На листе была фигура в широкополой шляпе и маске, а сверху надпись: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ ПРИЗРАЧНЫЙ ВОР». Призрачный вор – вот какое ей дали имя. Нарисовали вора неестественно высоким и худым, в развевающемся черном одеянии. Словно настоящий призрак, демон – персонаж страшных сказок и легенд.

Лайла подмигнула фигуре на листке и вошла внутрь.

Глава 4 Белый трон

I

- Наверное, лучше устроить маскарад...
- Сосредоточься.
- ...или костюмированный бал. Что-нибудь необыкновенное.
- Прошу тебя, Ри, не отвлекайся.

Принц сидел на стуле с высокой спинкой, забросив на стол ноги в сапогах с золотыми пряжками, и перекатывал в ладонях стеклянный шар. Принц тренировался с чуть более затейливым вариантом той игры, которую Келл сбыл с рук в таверне. Здесь емкостями для элементов служили не желобки в деревянной доске, а стеклянные шары. Четыре все еще лежали в темном деревянном ящике с золотыми уголками и мягким шелком внутри. Ри держал в руках шар с пригоршней земли, слегка его наклоняя то в одну сторону, то в другую.

– Многослойные костюмы, которые можно постепенно снимать, – продолжал фантазировать принц. Келл вздохнул. – Можно начать вечер при полном параде, а закончить...

– Ты даже не пытаешься!

Ри вздохнул. Он со стуком опустил ноги на пол, выпрямился, держа в руках стеклянный шар.

– Хорошо, – сказал он. – Полюбуйся моими магическими способностями.

Ри уставился на землю внутри сферы, сосредоточился и еле слышно обратился к ней по-английски. Земля даже не шелохнулась. Келл смотрел, как Ри старательно бормочет, наморщив лоб и все больше раздражается. Наконец земля неохотно чуть-чуть сдвинулась внутри шара.

– Получилось! – воскликнул Ри.

– Ты качнул его, – сказал Келл.

– Ничего подобного!

– Попробуй еще.

Ри со стоном откинулся на спинку стула.

– Слушай, Келл, вот что со мной не так?

– Ничего.

– Я говорю на одиннадцати языках, – тихо проговорил Ри с нарастающим гневом, – в том числе на языках тех стран, в которых никогда не бывал и вряд ли когда-нибудь побываю. Но я не могу сдвинуть с места комочек земли или поднять в воздух капельку воды! Меня это бесит! – рявкнул он. – Почему язык магии такой трудный, что я не могу им овладеть?

– Потому что на стихии не действует ни твое обаяние, ни очаровательная улыбка, ни высокое положение, – терпеливо пояснил Келл.

– Они меня не уважают, – сказал Ри с кислой ухмылкой.

– Земле у тебя под ногами все равно, что ты – будущий король. Воде в твоей чашке тоже. Да и воздуху, которым ты дышишь. Нужно говорить с ними как с равными, а еще лучше – просить.

Ри вздохнул и потер глаза.

– Знаю, знаю. Просто иногда так хочется... – Принц осекся.

Келл нахмурился. Ри казался искренне расстроенным.

– Чего хочется?

Антари встретился взглядом с принцем. В его глазах сверкнули золотые искры, и Келл почувствовал, что тот ничего не скажет.

– Выпить, – бросил принц, пересек комнату и, подойдя к бару у стены, налил вина в бокал. – Я стараюсь, Келл. Я хочу научиться, хотя бы немного. Но не могут же все быть...

Ри сделал глоток и махнул рукой в сторону Келла, догадавшегося, что принц хотел сказать «антари».

– ...такими, как ты, – закончил Ри.

– Что тут скажешь? Я один такой уникальный, – проговорил Келл, откидывая волосы со лба.

– Не один, – поправил Ри. – Есть еще Холланд.

Келл поморщился:

– Как раз собирался спросить. Что он здесь делал?

Ри пожал плечами и побрел обратно к ящику с элементами.

– То же, что и всегда. Доставлял почту.

Келл посмотрел на принца. Что-то здесь не так. Когда Ри лжет, он начинает нервничать, и Келл заметил, как принц переминается с ноги на ногу и постукивает пальцами по крышке ящика. Келл не стал больше допытываться, выбрал стеклянный шар с водой и положил его на ладонь.

– Ты чересчур стараешься.

Келл приказал воде двигаться, и она сначала закружилась внутри сферы, а затем завертелась маленьким смерчем.

– Но это действительно трудно, – сказал Ри. – То, что тебе магия дается легко, вовсе не значит, что это для всех просто.

Келл не стал говорить, что ему даже не нужно произносить слова вслух. Он просто мысленно обращался к воде, и она делала то, что он просил. Та же магия, которая присутствует в воде, песке, земле, огне, есть и в нем самом, поэтому для него управлять стихией так же естественно, как своими руками. А вот с кровью все иначе. Да и в ней та же магия, но кровь не подчиняется законам стихий – ею нельзя манипулировать, нельзя заставить ее течь быстрее или остановиться. Кровь обладает собственной волей, и с ней надо обращаться уважительно, как с живым существом, как с равным. Поэтому антари и стоят особняком. Ведь они умеют разговаривать не только со стихиями, но и с кровью. Но тогда как в работе со стихиями заклинания нужны только для того, чтобы сосредоточиться, настроиться, кровь слушается только команд. Ей нужно приказывать. И каждый раз, когда Келл открывал двери или залечивал раны своей кровью, он отдавал приказы.

– Какой он? – неожиданно спросил Ри.

Келл отвлекся от стеклянного шара, но вода по-прежнему в нем кружилась.

– Кто?

– Другой Лондон.

Келл замялся и покосился на магический столик у дальней стены. Как и магические доски из черного камня, которые висели по всему городу и служили для объявлений, этот столик передавал изображение. Но только не на камне. В его столешнице было углубление, наполненное водой. В ней отражались мысли, воспоминания и образы. Чаще всего такими столиками пользовались, чтобы поразмыслить над увиденным, а еще можно было поделиться с кем-то воспоминанием или картинкой – очень удобно.

С помощью столика Келл мог бы показать Ри другие Лондоны такими, какими видел их сам. Эгоистическая сторона его натуры хотела поделиться с братом, чтобы не чувствовать себя таким одиноким, чтобы кто-нибудь другой тоже увидел и обо всем узнал. Но Келл давно убедился, что людям на самом деле не нужны лишние знания. Они не приносят радости. К чему забивать голову тем, чем нельзя воспользоваться? Зачем мечтать о городах, в которых

невозможно побывать? Что толку от этого Ри, который, несмотря на все привилегии королевской особы, никогда не попадет в другой Лондон?

– Скучный, – наконец ответил Келл и положил шар обратно в ящик. Как только он оторвал пальцы от стеклянной поверхности, смерч замер, и вода с хлюпаньем опустилась на дно. Ри хотел было еще что-то спросить, но Келл ткнул в шар, который держал принц, и велел попробовать еще раз.

Ри снова попытался всколыхнуть землю, и опять ничего не получилось. Он вскрикнул от злости и швырнул шар на стол.

– Я ни на что не гожусь, и мы оба это знаем!

Келл поймал шар, когда он скатился с дальнего края стола, и проговорил:

– Тренировки...

– ...ни черта не дают! – закончил за него принц.

– Ты не хочешь научиться магии ради самой магии, – строго сказал Келл. – Твоя беда в том, что ты учишься магии, потому что считаешь, что она поможет заманивать людей в постель.

Ри невольно улыбнулся.

– Не вижу в этом большой беды, – сказал он. – К тому же магия действительно помогает. Я видел, как девушки, да и парни млеют, как только видят твои прелестные разноцветные глаза! – Он резко вскочил на ноги. – Довольно тренировок. Я не в настроении. Пошли лучше погуляем.

– Что? Ты решил теперь заманивать в *свою* постель при помощи *моей* магии?

– Отличная мысль, – радостно согласился Ри. – Но нам нужно выйти, потому что у нас есть дело.

– Вот как?

– Да-да, если только ты не планируешь на мне жениться – и пойми меня правильно: из нас, конечно, получилась бы эффектная пара, – мне нужно найти себе невесту.

– И ты рассчитываешь найти ее, шляясь по городу?

– Нет, конечно, – сказал Ри с кривой усмешкой. – Но я хотя бы от души повеселюсь.

Келл закатил глаза, поднял брошенный шар и положил его в ящик.

– Продолжим, – сказал он.

– Нет, хватит уже, – заныл Ри.

– Мы закончим, как только ты покажешь, что умеешь удерживать пламя.

Из всех стихий лишь к управлению огнем у Ри обнаружился не то чтобы талант (это слишком сильное слово), а скорее способности. Келл поставил на стол перед принцем металлическое блюдо с покатыми краями и склянку с маслом, затем положил кусок белого мела и странное приспособление: две скрещенные почерневшие деревяшки, скрепленные штырем. Ри вздохнул и начертил мелом ограничительный круг вокруг блюда, а затем вылил масло: по центру образовалась лужица – не больше монеты в десять линов. Наконец принц взял приспособление, легко поместившееся у него в ладони. Это был запал. Когда Ри сжал ладонь, деревяшки коснулись одна другой и из штыря упала искра. Масло загорелось.

На поверхности лужицы размером с монету заплясало маленькое голубое пламя. Ри хрустнул пальцами, повертел шеей и закатал рукава.

– Давай, пока огонь не погас, – поторопил его Келл.

Ри быстро взглянул на него, поднес обе руки к меловому кругу ладонями внутрь и обратился к огню, но не по-английски, а на арнезийском. Это был более певучий, ласковый язык, словно созданный для того, чтобы обращаться к магии. Принц шептал слова, которые текли монотонной, непрерывной вереницей и, казалось, обретали зримую форму.

К их обоюдному изумлению, все получилось. Пламя в тарелке побелело и выросло, поглотив остатки масла и продолжая гореть уже без него. Оно покрыло всю поверхность блюда и ярко разгорелось прямо под носом у Ри.

– Смотри! – крикнул он, тыча в пламя. – Смотри, у меня получилось!

Но хотя Ри уже перестал разговаривать с огнем, тот все больше разгорался.

– Не отвлекайся, – сказал Келл, видя, что белое пламя уже начало лизать края мелового круга.

– Что?! Ты меня даже не похвалишь? – возмутился Ри. Он развернулся к Келлу и случайно скользнул пальцами по столу. – Мог бы хотя бы...

– Ри! – закричал Келл, но было слишком поздно. Задев круг рукой, принц смазал меловую черту.

Огонь вырвался на волю.

Внезапный и обжигающий, он охватил весь стол. Ри отшатнулся так, что чуть не упал со стула.

Келл выхватил нож, рассек им ладонь и прижал окровавленную руку к столешнице.

– *Ас Анасэ*, – приказал он. «Рассейся».

Заколдованный огонь мгновенно угас, будто его и не было. У Келла закружилась голова.

Ри стоял ни жив ни мертв.

– Прости, – выдавил он виновато. – Прости, зря я...

Ри терпеть не мог, когда Келлу приходилось обращаться к магии крови, и считал себя лично ответственным за эту жертву. Однажды он причинил Келлу много боли и до конца не простил себя за это. Келл взял тряпку и вытер порезанную руку.

– Все нормально, – сказал он, отбросив тряпку. – Со мной все нормально, но я думаю, на сегодня хватит.

Ри кивнул.

– Я бы выпил еще, – признался он. – Чего-то покрепче.

– Я тоже, – ответил Келл с усталой улыбкой.

– Послушай, мы же сто лет не были в «Ис авен страс».

– Не надо нам туда ходить.

На самом деле Келл хотел сказать: «Я тебя туда не пущу». Вопреки своему названию – «Благодатные воды», – таверна превратилась в притон, полный подозрительных личностей.

– Да брось, – отмахнулся Ри, снова переходя на шуточный тон. – Возьмем Перси с Мортимером, переоденемся стражами...

В эту минуту кто-то кашлянул, Ри и Келл обернулись и увидели в дверях короля Максима.

– Сэр, – сказали они в один голос.

– Мальчики, как продвигается учеба?

Ри бросил на Келла предупреждающий взгляд.

– Потихоньку. Мы как раз закончили, – спокойно проговорил Келл.

– Хорошо, – кивнул король и достал письмо.

Келл и сам не думал, что ему так сильно хочется выпить вместе с Ри, пока не увидел конверт и понял, что ничего не получится. Он искренне расстроился, но не подал вида.

– Нужно доставить послание нашему могущественному соседу, – продолжил король.

Грудь Келла сжалась от странного, хорошо знакомого страха, смешанного с интересом. Страх и интерес всегда были неразрывны, когда дело касалось Белого Лондона.

– Конечно, сэр.

– Холланд принес вчера письмо, но не смог дождаться ответа, – пояснил король. – Я сказал, что отправлю его с тобой.

Келл нахмурился.

– Надеюсь, все хорошо? – осторожно спросил антари.

Ему редко удавалось узнать содержание королевских посланий, но он улавливал суть: переписка с Серым Лондоном давно превратилась в простую формальность, поскольку между городами было мало общего, а вот с Белым Лондоном постоянно шел напряженный диалог. Их «могущественного соседа», как король Максим назвал другой город, раздирала на части жестокая борьба за власть: имена в конце королевских писем менялись с пугающей быстротой. Проще всего было просто прекратить переписку с Белым Лондоном, пришедшим в упадок, но Красный не мог да и не хотел этого делать.

Его жители чувствовали себя ответственными за погибающий город. И они действительно были отчасти ответственны за его положение.

В конце концов, именно Красный Лондон принял решение изолироваться, после чего Белый оказался в ловушке между Красным и Черным. Ему пришлось в одиночку ограждать себя от обезумевшей магии и сражаться с черной чумой. Это решение много столетий не давало покоя королям и королевам, однако в ту пору Белый Лондон был сильным – даже сильнее Красного, и монархи Красного Лондона считали (по крайней мере, на словах), что другого выхода не было: только так все три мира могли выжить. Они были правы и неправы одновременно. Серый Лондон впал в тихое забвение, а Красный не только выжил, но даже процветал. Белый же изменился безвозвратно. Некогда блистательный город погрузился в пучину хаоса и войн, кровопролития и насилия.

– Все как нельзя лучше, – ответил король, протянул Келлу записку и вышел из комнаты. Келл шагнул за ним, но Ри вдруг схватил его за руку.

– Пообещай, – шепнул он еле слышно, – что вернешься с пустыми руками.

Келл замялся.

– Обещаю, – наконец сказал он.

«Сколько раз я произносил эти слова?» – думал Келл, доставая из-за воротника тусклую серебряную монету.

Возможно, хоть в этот раз он сдержит обещание.

II

Келл шагнул через дверь в другой мир и тут же поежился. Красный Лондон исчез, а вместе с ним пропало и тепло. Сапоги ступили на холодный булыжник, изо рта вырвалось облачко пара, и Келл поспешно застегнул камзол – черный с серебряными пуговицами.

«Прист ир эссен. Эссен ир прист».

«Сила в равновесии. Равновесие в силе». Девиз, мантра и молитва. Эти слова, написанные на королевском гербе Красного Лондона, можно было встретить всюду: и в домах, и в магазинах. В мире Келла люди не считали магию неисчерпаемым ресурсом. Ею пользовались, но не злоупотребляли, обращаясь с нею почтительно и осторожно.

В Белом Лондоне бытовали совсем другие представления.

С магией здесь не обходились на равных – ее покоряли, поработщали, контролировали. Черный Лондон впустил в себя магию, которая взяла верх и поглотила его. Памятуя о падении этого города, Белый Лондон выбрал противоположную тактику: он пытался подчинять силу всеми возможными способами. «Сила в равновесии» стала «Силой в господстве».

Но когда люди стали пытаться подчинять себе магию, она начала сопротивляться, сжиматься, зарываться в землю, чтобы до нее нельзя было добраться. Люди скребли ногтями поверхность мира, пытаясь выкопать хотя бы немного магии, но ее было очень мало и становилось все меньше – так же, как и людей, стремившихся ее отыскать. Казалось, магия решила взять своих работников измором и медленно, но верно добивалась цели.

У этой борьбы оказался также побочный эффект, из-за чего Келл и назвал Белый Лондон белым: все в городе и все его жители и днем и ночью, и летом и зимой выглядели бледными, словно были покрыты пеленой, тонким слоем то ли снега, то ли пепла. Здешняя магия, озлобленная и алчная, погребла под собой жизнь, тепло и цвета, высосав из этого мира все соки и оставив лишь бесцветный распухший труп.

Келл повесил на шею монету Белого Лондона и заправил ее за воротник. Его черный камзол ярко выделялся на блеклом фоне городских улиц. Келл поспешно сунул в карман порезанную руку, пока яркий цвет крови не привлек внимание прохожих. Позади тянулась жемчужная полоска наполовину замерзшей реки (здесь она называлась не Темза и не Айл, а Сиджлт), а на другом ее берегу до самого горизонта простиралась северная часть города. Впереди же раскинулась южная его часть, и всего в нескольких кварталах отсюда королевский замок вонзал в небо острые, как кинжалы, шпили; рядом с этой каменной громадой соседние здания казались крошечными.

Не теряя времени, Келл направился к замку.

Как многие высокие люди, он обычно сутулился, но, шагая по улицам Белого Лондона, выпрямлялся во весь рост, поднимал голову, расправлял плечи и громко стучал сапогами по мостовой. И менялась не только его осанка. Дома Келл скрывал свою силу, а здесь наоборот. Он наполнял пространство вокруг себя магией, и изголодавшийся воздух пожирал ее, нагреваясь и извиваясь струйками пара. Главное – не перейти тонкую грань. Нужно было проявлять силу, но при этом крепко ее удерживать. Дашь слабину – и станешь легкой добычей, немного переборщишь – и за тобой начнут охотиться, как за ценным трофеем.

Теоретически жители города знали о том, что Келл находится под королевской защитой. И опять-таки теоретически никто не был настолько глуп, чтобы бросать вызов близнецам Данам. Но людей возбуждала жажда энергии и жизни, толкала на необдуманные поступки.

Поэтому Келл всегда был начеку. Он наблюдал за солнцем, клонившимся к закату, по опыту зная, что Белый Лондон кажется тихим только при свете дня. Ночью город преображался: неестественная, тяжелая, удушливая тишина сменялась шумом – раскатами хохота и криками страсти (некоторые считали, что так можно приманить силу), но чаще всего звуками драк и убийств. Город крайностей – будоражащий и смертоносный. Улицы давным-давно побагровели бы от крови, если бы головорезы не выпивали ее без остатка.

Пока не зашло солнце, несчастные и обессиленные топтались в дверных проемах, свешивались из окон и околачивались в просветах между зданиями. Все они смотрели Келлу вслед: впалые щеки и голодные взгляды, а одежда такая же выцветшая, как и весь город. Блеклыми были их волосы, глаза и кожа, испещренная метками. Эти клейма и татуировки наносились специально для того, чтобы привязать магию к своему телу. Чем слабее были люди, тем отчаяннее они покрывали себя метками, уродуя плоть в безумной попытке удержать хотя бы немного силы.

В Красном Лондоне подобные знаки считались зазорными: они оскверняли не только тело, но и саму магию, которую к нему привязывали. Здесь же лишь самые сильные могли пренебречь метками, но даже для них эти знаки ассоциировались не с осквернением магии, а с обыкновенным отчаянием. Впрочем, и те, кто презирал подобные клейма, пользовались амулетами и оберегами (один лишь Холланд ходил без украшений, если не считать фибулы – отличительного знака королевских слуг).

Магия не давалась здесь легко. Язык стихий полностью забыли, как только те перестали отзываться. Теперь можно было призвать одну-единственную стихию – некую странную энергию, помесь огня и чего-то темного, порочного. Магию, которую удавалось захватить, загоняли в амулеты. Но их вечно не хватало.

Однако люди не уходили из города. Их приковывала сила реки Сиджлт, сохранявшей слабые остатки тепла и уже наполовину замерзшей. Они оставались здесь, и жизнь продолжалась. Те, кто еще не пал жертвой всепоглощающей жажды магии, занимались будничными делами и старались забыть о том, что их мир медленно погибает. Многие продолжали наивно верить, что однажды магия вернется и что сильный правитель сможет снова вдохнуть силу в жилы этого мира и воскресить его. И люди не спешили покидать город.

Келл задумался: неужели обитатели Белого Лондона считали Астрид и Атоса Данов достаточно сильными или они просто дожидались, когда их свергнет следующий маг? Ведь это в конце концов произойдет – так происходило всегда.

Едва впереди показались ворота замка, тишина стала гнетущей. Правители Серого и Красного Лондона жили во дворцах. Правители Белого – в крепости.

Замок окружала высокая стена, а между ним и этой стеной простирался каменный двор, который опоясывал грозное сооружение, словно крепостной ров. Во дворе находился знаменитый Крѣс мект, или Каменный лес, только вместо деревьев в нем были мраморные статуи. Ходили слухи, что скульптуры не всегда были каменными, а лес на самом деле представлял собой кладбище. И десятки окаменевших людей стояли здесь, демонстрируя всем, кто проходил к замку, что близнецы сделают с теми, кто встанет у них на пути.

Войдя во двор, Келл приблизился к массивным каменным ступеням. С двух сторон вдоль лестницы стояли десять стражей, неподвижных, точно статуи в Каменном лесу. Они были всего-навсего марионетками. Атос лишил их всего. Дыхание, кровь в жилах и приказы короля – это все, что у них осталось. При виде стражей Келл поежился. В Красном Лондоне запрещалось использовать магию, порабащающую тело или разум человека. Но здесь это было лишь одним из доказательств силы Атоса и Астрид, а сила в этом мире дает *право* на власть.

Стражи стояли без движения и молча провожали Келла взглядами, когда он проходил сквозь тяжелые двери. Вдоль стен сводчатого холла выстроились другие стражи, тоже неподвижные, как каменные статуи, если не считать поблескивающих глаз. Келл пересек холл и оказался во втором коридоре: там было пусто. Лишь после того как двери закрылись за спиной, Келл позволил себе перевести дух.

– На твоём месте я бы не спешил расслабляться, – донесся из темноты мужской голос, и тут же человек шагнул вперед.

Вдоль стен горели факелы, никогда не догоравшие до конца, и в их мерцающем свете Келл увидел Холланда. Кожа антари была бесцветной, а на лоб падали черные как смоль волосы, почти закрывавшие глаза: один серо-зеленый, а другой – черный и блестящий. Когда Холланд встретился взглядом с Келлом, будто искра пробежала от одного черного глаза к другому.

– Я принес письмо, – сказал Келл.

– Неужели? – холодно произнес Холланд. – А я думал, ты зашел на чай.

– Ну, и это, наверное, не повредит, раз уж я здесь.

Холланд скривил губы, и эта гримаса меньше всего напоминала улыбку.

– Атос или Астрид? – спросил он, словно загадывая загадку.

Только у любой загадки есть отгадка, но когда речь шла о близнецах Данах, правильного ответа на этот вопрос не существовало. Келл никогда не знал, с кем лучше встретиться. Он не доверял близнецам – обоим, и вместе, и тем более по отдельности.

– Астрид, – ответил Келл и задумался, верный ли сделал выбор.

Холланд лишь невозмутимо кивнул и повел его за собой.

Замок, просторный и гулкий, был построен по образцу церкви – а возможно, когда-то здесь действительно размещалась церковь. В коридорах свистел ветер, камни отражали эхо шагов – только шагов Келла, ведь Холланд двигался с пугающей грацией хищника. На

одно плечо он накинул белый плащ, развевавшийся за спиной при ходьбе. Плащ был стянут округлой серебряной фибулой с выгравированными знаками, которые издали казались обычным узором.

Однако Келлу была известна история Холланда и его серебряной фибулы, но узнал он ее не от самого антари, а от одного типа из таверны «Горелая кость», который потребовал за это красный лин. Келл не мог понять, почему Холланд – пожалуй, самый могущественный человек в городе, а возможно, и в мире – служил таким самовлюбленным негодяем, как Астрид и Атос. Келл бывал в городе до того, как пал последний король, и видел, что Холланд был его союзником, а вовсе не слугой. Конечно, тогда он был другим – моложе и самонадеяннее, но Келл запомнил кое-что еще – какой-то свет в глазах, огонь. И вот некоторое время спустя он пришел в Белый Лондон, и оказалось, что короля свергли Даны, а огонь в глазах Холланда погас. Он служил им, будто ничего не изменилось. Но сам-то он изменился, стал мрачнее и равнодушнее, и Келлу хотелось узнать, что же случилось на самом деле.

Ответ он нашел там, где находил большинство вещей и где вещи находили его: в таверне, всегда стоявшей на одном и том же месте. Здесь она называлась «Горелая кость».

Рассказчик, сгорбившись на табурете и сжав монету в руке, словно согревая, поведал историю на махтане – гортанном языке этого сурового города.

– *Ён веждр тёк...* – начал он вполголоса. «История такая...» – Наш престол занимают не по праву рождения: путь к нему лежит не через кровное родство, а через кровопролитие. Кто-нибудь прокладывает себе дорогу к трону кинжалом и удерживается на нем сколько сможет – один-два года, пока его не свергнет кто-то другой. Короли приходят и уходят, и так без конца. Обычно все просто: убийца занимает место убитого... – Рассказчик помолчал и продолжил: – Семь лет назад, когда убили последнего короля, несколько человек претендовали на корону, но в конце концов осталось только трое: Астрид, Атос и Холланд.

Келл раскрыл глаза от удивления. Он знал, что Холланд служил прежнему монарху, но не догадывался о его стремлении стать королем. Тем не менее все логично: Холланд был антари в мире, где все решала сила. Он должен был победить. Однако близнецы Даны оказались не только безжалостными и коварными, но еще и могущественными. Вдвоем они одолели его, но не убили, а подчинили.

Сначала Келл подумал, что неправильно понял (его махтан был не таким безупречным, как арнезийский), и попросил повторить. Все верно, «*вёкст*» – «подчинили».

– Той штукой, – сказал человек из «Горелой кости», постучав себя по груди. – Серебряным кружком.

Это страшное заклятие подчинения, пояснил он, наложил сам Атос. Бледный как смерть король обладал сверхъестественным даром: он умел управлять другими людьми. Холланд не превратился в безмозглого раба, как те стражи, что охраняли замок. Он не лишился ни мыслей, ни чувств, ни желаний, но заклятие заставляло его делать, что велят.

– Король Атос умен, – добавил человек, вертя в руках монету. – Чертовски жесток, но умен.

Холланд резко остановился, и Келл окинул взглядом пройденный коридор и уставился на дверь впереди. Он посмотрел, как Белый антари поднес руку к выжженному на ней кругу из символов. Холланд быстро провел по ним пальцами, коснувшись по очереди четырех: замо́к открылся, и Холланд впустил Келла.

Тронный зал был таким же просторным и гулким, как и остальные помещения замка, но при этом круглой формы и целиком построен из блестящего белого камня: начиная с закругленных стен и нервюр сводчатого потолка и заканчивая сверкающим полом и двойным тронном на возвышении по центру. Келл поежился, хотя в зале было совсем не холодно: он лишь выглядел ледяным.

Холланд ушел, не прощаясь, но Келл не отвел взгляда от трона, на котором полулежала женщина.

Астрид Дан совершенно сливалась бы с белоснежным тронem, если бы не вены, черневшие на руках и на висках. Многие в этом Лондоне старались скрыть тот факт, что постепенно выцветают, надевали закрытую одежду и пользовались румянами. Бледную королеву такие пустяки не волновали. Ее длинные бесцветные волосы, заплетенные в косу, не были прикрыты, а фарфоровая кожа сливалась с краями жакета. Весь наряд облегал тело, словно броня: горло защищал высокий и жесткий воротник рубашки, жакет был наглухо застегнут от подбородка до талии (не из скромности, а для защиты, как полагал Келл), ноги обтягивали брюки с блестящим серебристым поясом и высокие сапоги. Ходили слухи, что человеку, плюнувшему на нее из-за того, что она не желала носить платье, отрезали губы по ее приказу. Единственными яркими пятнами были светло-голубые глаза, а также зеленые и красные талисманы, висевшие на шее и запястьях и вплетенные в косу.

Королева сидела на троне развалившись, но чувствовалось, что ее тело напряжено, как струна. Она была высокой и худой, но не слабой, а крепкой, жилистой. Королева вертела в руках висевший на шее кулон с матовой поверхностью и кроваво-красными краями. «Странно видеть такую яркую вещицу в Белом Лондоне», – подумал Келл.

– Пахнет цветочками, – проговорила Астрид, глядя в потолок, а затем опустила глаза и посмотрела на Келла: – Здравствуй, мой сладенький.

Королева говорила по-английски. Келл знал, что она никогда не учила языка и, подобно Атосу, во всем полагалась на колдовские чары. Где-то на ее коже, под плотно облегающей одеждой, имелась переводящая руна. В отличие от татуировок, которые делали себе те, кто пытался ухватиться за остатки магии, функция языковой руны была совершенно утилитарной. В Красном Лондоне английский считался языком элиты, высшего общества, но Белый Лондон не видел в нем пользы. Холланд однажды сказал Келлу, что это страна воинов, а не дипломатов. Они ценили битвы превыше балов и не представляли, зачем нужен язык, которого не понимает народ. Не желая тратить годы на изучение общего языка королей, всякий, кто восходил на трон, наносил на свое тело переводящую руну.

– Ваше величество, – Келл чуть склонил голову.

Королева приподнялась на локте и села. Ее медлительность была чистым притворством. Она двигалась, словно змея, готовящаяся нанести удар.

– Подойди ближе, – сказала она. – Хочу посмотреть, насколько ты вырос.

– Я вырос уже давно, – произнес Келл.

Она провела ногтем по подлокотнику.

– Но ты не выцветаешь.

– Пока нет. – Он осторожно улыбнулся.

– Подойди ко мне, – повторила она, протягивая руку, – или я подойду к тебе.

Келл не знал, обещание это или угроза, но выбора все равно не было, и он приблизился к трону, чувствуя, что идет напрямиком в змеиное гнездо.

III

В воздухе щелкнул хлыст, и его раздвоенный конец рассек кожу на спине мальчишки. Тот не закричал (хотя Атос хотел именно этого), а лишь охнул от боли, стиснув зубы.

Мальчишку пришили к квадратной металлической раме, как мотылька: руки широко развели, привязав запястья к вертикальным прутьям. Его голова свесилась на грудь, пот и кровь стекали по лицу и капали с подбородка.

Мальчишке было шестнадцать лет, и он не поклонился. Атос и Астрид ехали по улицам Белого Лондона на белых лошадях, сопровождаемые солдатами с пустыми взглядами,

и наслаждались страхом и покорностью в глазах народа. Люди опускались на колени, низко склоняли головы.

А этот паренек смотрел почти прямо. Позднее он, кашляя и плюясь кровью, назвал Атосу свое имя: Бэлок. Тогда же толпа паялилась на безумца и тихо шелестела. Это, конечно, был шок, изумление, граничащее с восхищением. Атос остановил коня и устоял на паренька, проявившего непокорность.

Конечно, Атос тоже когда-то был мальчишкой и совершал нелепые, своевольные поступки, однако в борьбе за Белую корону он усвоил немало уроков, а, завладев ею, усвоил еще больше. Теперь он твердо знал, что непокорность – сорная трава, которую нужно вырывать с корнем.

Его сестра, сидя на скакуне, весело наблюдала, как Атос швырнул монету матери мальчика.

– *Ëт васа риджке*, – сказал он. «На поминки».

В ту же ночь пришли солдаты с пустыми взглядами, выломали двери домишки, где жил Бэлок, и вытащили на улицу брыкающегося и вопящего мальчика. Его мать удерживало заклинание, накарябанное на каменной стене, так что ей оставалось только причитать.

Солдаты приволокли мальчишку во дворец и бросили, избитого и окровавленного, на сверкающий белый пол перед тронном Атоса.

– Ай-ай-ай, – пожурил Атос своих людей. – Вы сделали ему больно. – Бледный король встал и презрительно взглянул на мальчика. – Это *моя* работа.

Хлыст снова просвистел в воздухе, и на этот раз Бэлок все-таки вскрикнул.

– Знаешь, что я вижу в тебе? – Смотав серебристый хлыст, Атос сунул его за пояс. – Огонь.

Бэлок выплюнул кровь на пол, и король скривил губы. Он прошагал через всю комнату, схватил мальчика за подбородок и стукнул головой о раму. Бэлок застонал от боли, но Атос зажал ему рот и склонился к самому уху.

– Он горит в тебе, – прошептал Атос. – Мне не терпится его уничтожить.

– *Нё киджн авост*, – выдохнул Бэлок, когда король убрал руку. «Я не боюсь смерти».

– Я верю тебе, – спокойно произнес Атос. – Но не собираюсь тебя убивать. Хотя ты наверняка пожалеешь о том, что я этого не сделал, – добавил он и отвернулся.

Рядом стоял каменный стол, а на нем – металлическая чаша с чернилами и остро отточенный клинок. Атос взял то и другое. Глаза Бэлока расширились, когда он понял, что сейчас произойдет. Паренек попытался вырваться из пут, но они крепко его удерживали.

Атос улыбнулся.

– Значит, ты слышал о метках, которые я ставлю.

Весь город знал о пристрастии и таланте Атоса к заклятиям подчинения. Метки, которые он ставил, лишали человека свободы, личности, души.

Атос не спешил, наслаждаясь ужасом мальчишки. Король опустил нож в чернила, так что они заполнили желобок. Наконец улыбнулся и медленно поднес острие к тяжело вздымающейся груди мальчика.

– Я оставлю тебе разум, – сказал Атос. – Знаешь зачем? – Нож проткнул кожу, и у Бэлока перехватило дыхание. – Чтобы читать в твоих глазах те муки, которые ты будешь испытывать всякий раз, когда твое тело будет подчиняться моей воле, а не твоей.

Бэлок едва сдерживал крик, пока лезвие скользило по его телу прямо над сердцем. Вырезая метку, Атос непрерывно что-то шептал. Кровь вперемешку с чернилами стекала по телу, но Атос казался невозмутимым и, прищурившись, спокойно орудовал ножом.

Когда все было окончено, он отложил клинок и отступил на шаг, любясь своей работой.

Бэлок обмяк, тяжело дыша.

– Выпрямись, – приказал Атос.

Ему было приятно смотреть, как мальчишка пытается сопротивляться, как дрожат от напряжения его мускулы, но ничего не может сделать. В глазах Бэлока горела ненависть – жгучая, как никогда, но его тело принадлежало теперь Атосу.

– В чем дело? – спросил бледный король.

Вопрос был обращен не к мальчику, а к Холланду, который появился в дверях. Антари окинул взглядом всю сцену – кровь, чернила, истязуемый простолоудин, – и на его лице отразилось нечто среднее между холодным удивлением и безразличием, словно это зрелище нисколько не задевало его лично.

Но это было не так.

Холланду нравилось прикидываться холодным и безразличным ко всему, однако Атос знал, что он притворяется. Как бы антари ни старался сохранять спокойствие, он не может не реагировать на боль.

– *Ёс-во тач?* – спросил Холланд, кивнув на Бэлока. «Вы заняты?»

– Нет, – ответил Атос, вытирая руки темной тряпкой. – Думаю, на сегодня мы закончили. Что случилось?

– Он здесь.

– Понятно. – Атос отложил полотенце, взял белый плащ, висевший на стуле, и, плавным движением набросив на плечи, застегнул фибулу. – Где он сейчас?

– Я отвел его к вашей сестре.

– Что ж, будем надеяться, она еще не обглодала его косточки.

Атос повернулся к двери, заметив при этом, как Холланд снова бросил взгляд на мальчика.

– Что с ним делать? – спросил антари.

– Ничего. – Атос пожал плечами. – Подождет. Никуда не денется.

Холланд кивнул, но Атос вдруг коснулся его щеки. Антари не отпрянул и даже глазом не моргнул, когда на его лицо легла рука бледного короля.

– Ревнуешь? – спросил король.

Оба глаза Холланда, зеленый и черный, спокойно, не мигая смотрели в глаза Атоса.

– Он страдал, – тихо добавил тот. – Но не так, как ты. – И он прошептал ему на ухо: – Никто не страдает так красиво, как ты.

В глазах Холланда на секунду вспыхнула ярость, боль, ненависть. Атос торжествующе улыбнулся.

– Нам пора, – сказал он, убирая руку. – А не то Астрид съест нашего юного гостя с потрохами.

IV

Астрид поманила его к себе.

Келлу хотелось положить письмо на узкий стол между тронами и уйти, но бледная королева протянула руку за посланием и коснулась Келла.

Рука Астрид скользнула поверх письма и обвила запястье юноши. Он инстинктивно отшатнулся, но королева лишь крепче сжала руку. Кольца у нее на пальцах блеснули, и воздух наэлектризовался, когда она произнесла слово. По руке Келла пробежала молния: он почти мгновенно ощутил боль. Пальцы разжались, письмо выпало, а в крови закипела магия, готовая сопротивляться, дать сдачи, но Келл подавил этот порыв. Это была игра. Астрид нарочно его провоцировала, поэтому он, собрав всю волю в кулак, стерпел. Даже тогда, когда она призвала свою силу, схожую с силой стихий, но противоестественную, искаженную, и по его телу пробежал электрический разряд, от которого подкосились ноги.

– Мне нравится, когда ты стоишь на коленях, – прошептала Астрид, отпуская его запястье.

Келл уперся ладонями в холодный каменный пол и судорожно вздохнул. Астрид подхватила с пола письмо, положила на стол и села на свое место.

– Надо тебя оставить у нас, – добавила она, задумчиво постукивая пальцем по кулону, висевшему на шее.

Келл медленно встал на ноги. Рука отозвалась тупой болью.

– Зачем? – спросил он.

Астрид оставила в покое амулет.

– Просто мне не нравятся вещи, которые мне не принадлежат, – сказала она. – Я им не доверяю.

– А вы вообще чему-нибудь доверяете? – парировал Келл. – Ну или кому-нибудь, если уж на то пошло?

Королева посмотрела на него, и уголки ее бледных губ дернулись вверх.

– Все те, кто украсил пол в этом зале, кому-то доверяли. Теперь я ступаю по ним, когда иду пить чай.

Келл покосился на плитку под ногами. Конечно, ходили слухи о тусклых вкраплениях в блестящем белом камне...

Как раз в эту минуту у него за спиной распахнулась дверь. Келл обернулся и увидел, как в зал размашисто вошел Атос. Холланд отставал от него на пару шагов. Атос был точной копией сестры, только плечи шире, а волосы – короче. Во всем остальном, включая цвет кожи, крепкие мышцы и жестокость, они были похожи как две капли воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.